

ТАНЯ ТУМАННАЯ

ТЕМНАЯ КРОВЬ

Таня Туманная

Тёмная кровь

«Автор»

2026

Туманная Т.

Тёмная кровь / Т. Туманная — «Автор», 2026

В Калиморе - бывших владениях демонов, эмоции имеют вкус. Злость расцветает на языке морозной брусникой, а раздражение — испачканной в крови малиной. Сарано приходится жить в мире чужих чувств, скрывая свои под маской безразличия. Она мечтает о битвах и огрызается на заботу; она хочет мести, но вынуждена терпеть насмешки. Однако, вскоре роковая случайность меняет всё.

© Туманная Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Таня Туманная

Тёмная кровь

Название: Тёмная кровь

Автор(-ы): Таня Туманная

Ссылка: <https://author.today/work/540618>

Глава 1

— Эй, Саранча! — раздался за спиной звонкий голос Джархана. Обжигающим холодом внутри меня поднялись ярость и страх. Встреча с мальчишкой и сама по себе не несла ничего приятного, а уж в месте, где быть меня категорически не должно... Я ускорила шаг, пытаюсь сделать вид, что не услышала унижительного прозвища. Вдруг он от меня отстанет?

— Да подожди ты! — тон маленького ублюдка за спиной стал капризным и требовательным.

Ублюдок — моё новое любимое слово. Хлёсткое и яркое, но оскорбительное лишь для приближённых к Властелину.

В Калиморе — так называли мы свои земли — не заключали «браки» и не делили детей на «законно» или «незаконно» рождённых. Мы жили проще. Мой отец — Сохор, так и не взявший себе новомодной «фамилии», имел детей от трёх разных женщин и ко всем нам относился одинаково.

Одинаково безразлично, если быть до конца честной.

Цагал же- наш Властелин и отец Джархана, глубоко увлёкся традициями «Королевств Рубежа». Он делил своих детей на «законных» и «бастардов». Двойня, рождённая принцессой из Энии, купалась в отцовском внимании и его же расположении. Старшие дети, появившиеся на свет задолго до человеческой принцессы, были полезными. А вот младшими, рождёнными от многочисленных любовниц, наш лидер пренебрегал откровенно и со вкусом. Не отказывался и не бросал, признавая на словах, но умело и тонко показывал им их глубоко вторичное место.

Неудивительно, что Джархан, не вошедший в список любимчиков, злился на своё положение.

Неудивительно, что его задевало хлёсткое ругательство Из-За-Реки.

Кусок льда, лишь для вида облепленный снегом, ударил мне в затылок. Я резко обернулась и зашипела на улыбающегося мальчишку.

— Шёл бы ты своей дорогой... Ублюдок, — с низкими нотками процедила я.

Сын Властелина вздрогнул, словно от пощёчины. Шлялся по лагерю он в компании пяти-шести своих приятелей. Один из них — рослый и худощавый Кадан, был моим братом по отцу, но отношения у нас никогда не складывались.

— А разве она у нас не общая? — с невинной улыбкой спросил Джархан, подходя ближе. — Я просто хотел прогуляться с тобой до штабного шатра. Поболтать по-дружески. Ты ведь тоже туда идёшь?

Мои губы задрожали от безуспешных попыток сдержать оскал. Джархан улыбнулся шире:

— Или тебя не позвали снова?

Меня не позвали, и он, разумеется, об этом знал. Более того, именно рядом с шатром мне показываться категорически не стоило.

Джархан выглядел так, будто готов был притащить меня к брату силой.

Попытаться.

Калечить сына Властелина мне было нельзя.

Ему меня тоже.

Я натянуто улыбнулась и мысленно махнула рукой, в кое-то веке подыгрывая своей уязвленной гордости.

— Позвали. Пошли.

После короткой удивлённой задержки ублюдок поравнялся со мной и встал по правую руку. Кадан занял место с другой стороны. Других своих прихлебателей Джархан отослал пренебрежительным жестом.

Его светло-русые волосы — не полностью бесцветные, как у нормального эрлийза — разметались по плечам так, будто мальчишка недавно бежал. Кожа казалась неестественной для человека — чересчур бело-мраморной, но откровенно серой, как у меня или у отца она не была. Одно слово — ублюдок.

Внешность Кадана была привычнее и нравилась мне больше.

Сейчас я чувствовала себя неуютно, словно заключённая или пленница. Джархан был младше меня на пять лет и пока ещё ниже, а вот четырнадцатилетний Кадан уже вымахал почти со взрослого мужчину. И плечи у него были широкими, хотя и костлявыми. Даже зная, что серьёзного вреда мальчишки мне не причинят, я не могла не напрягаться. Напряжение сжималось внутри меня ледяным комком.

Хотелось убивать.

Убивать было нельзя. Ни брата, ни тем более, выродка Властелина. Это я понимала совершенно точно.

Приходилось держать злость в себе.

Ублюдок толкнул меня плечом, но я шагнула вперёд легко уворачиваясь. Глупо хихикнув, Джархан бросил мне небрежно.

— Напряжённая ты какая-то. Нервничаешь.

— Тебе кажется, — коротко ответила я.

— А я бы нервничал. Так долго держали свою драгоценную девочку в сторонке и, наконец, позвали на взрослые разговоры. Вдруг что-то не так пойдёт и Сохор останется тобой разочарован?

— Мой отец не относится ко мне как к нелепости, которую хоть куда бы пристроить. Проживу как-нибудь с его разочарованием, — улыбнулась я Джархану. Он скривился, запах обидой и беспомощной детской злостью, по вкусу напоминающей прокисшее молоко.

Даже злиться нормально и то не умел. Одно слово — ублюдок.

«Тело возмужало быстрее ума», — так говорила о нём Оюун — женщина, с которой сейчас жил Сохор.

— Как-нибудь, — вернул мне мою же колкость Джархан.

Это было обидно. Жить «как-нибудь» меня не устраивало, но только «как-нибудь» у меня и получалось. Но не я была в этом виновата!

Я смотрела строго вперёд. Сквозь шумный военный лагерь мы двигались к командным шатрам. Я видела солдат, тренирующихся и занимающихся рутинными делами. Чувствовала запахи дыма и раздражения, животных и усталости, еды, азарта и боли. Одни — носом, а другие кончиком языка. Эмоции всегда ощущались где-то во рту, и избавиться от них, приложив к носу надушенную тряпку, было невозможно.

Суэта лагеря будоражила и бодрила.

Я приоткрыла рот и вдохнула глубже, неосторожно демонстрируя оживление и азарт.

А также всю ту гамму чувств, что переживала я из-за невозможности броситься в бой.

Кадар обернулся, удивлённый силой моих эмоций и откровенностью их проявления. Крови демонов в нём было не меньше, чем во мне, и мой мандраж, мои разочарование и горечь он явно ощутил. Я от него не улавливала почти ничего. Держать эмоции при себе, запирает их так глубоко, чтоб даже острые носы сородичей ничего не уловили — этому мы учились с детства. Провал моего самоконтроля был досадным.

Джархан, рождённый от человеческой девки, к счастью, не обладал столь острым чутьём.

Ветер донёс до меня животные вопли и острый запах отчаянного ужаса.

Невдалеке тренировались оборотни. Цагал, сумевший добиться почтения от крупнейших кланов, сделал перевёртышей костяком своей армии. Сильные, яростные и живучие не в меру оборотни обладали одним серьёзным недостатком — очень уж легко они теряли над собой контроль, почуяв людскую кровь. Не всё, конечно же, но прискорбно многие. Это не

устроивало Цаагала, и по его требованию воины тренировали самоконтроль при каждом удобном случае.

Сейчас семёрка перевёртышей травила пленного. Скакала с разных сторон, хватала зубами, но лишь ранила, а не убивала. Тот из оборотней, кто нанесёт последний удар, отправится копать выгребные ямы и драить посуду.

Кровавое развлечение обещало быть долгим. Безоружный мужчина храбрился в первые минуты, но затем предсказуемо потерял над собой контроль. Паника и ужас забавляли наших сородичей, собравшихся здесь. Потомки демонов всех мастей - эрлийзы, как называли мы себя, стояли кругом вдоль арены — орали, подбадривали, делали ставки, да и просто наслаждались представлением.

Джархан со своей детской свитой частенько наблюдал за такими «боями». Я — нет. Слишком мало времени мне позволялось проводить в военном лагере, чтобы тратить его на развлечения. Благодарить за всё это стоило Одвала — моего старшего брата, последнего выжившего из детей моей родной матери.

Его спина мелькнула впереди, прямо у входа в штабный шатёр. Невероятным усилием воли я не вздрогнула и не спряталась за Кадаром. Ни человек, ни оборотень не заметил бы мгновения моей паники, а вот потомки демонов уловили её без труда.

Даже Джархан.

Ублюдок неприятно улыбнулся и взял меня под руку. Я посмотрела на него сверху вниз. Хотела презрительно, но вышло зло.

Меня не должно было быть здесь. Не только у шатра, где собирались обсуждать военные планы, но и в самом лагере тоже. Я должна была сидеть во дворце, читать скучные книги или, на крайний случай, общаться с пленными — упражняться в их бессмысленно-сложном языке.

Мне абсолютно точно влетит, если брат меня здесь заметит.

Джархан держал мою руку мягко, но по глазам я видела, что хватка может стать и жёстче. Попытаться вырваться — привлечь внимание. Даже если Одвал из шатра и не выйдет, ему наверняка донесут. Сам Джархан и донесёт, с него станется.

Зайду внутрь и попадусь совершенно точно.

Я отчаянно улыбнулась, мысленно давая себе обещание: когда-нибудь этот мелкий ублюдок ответит мне за каждую свою пакость.

Но явно не сегодня.

— Там твой брат, — сказал Джархан негромко и с явным удовольствием, — уверен, он будет рад тебя видеть.

— Уверена, — ответила я ему в тон, — что у него есть занятия поинтереснее. Но поздороваться, конечно же, стоит.

До шатра оставалось меньше трёх десятков шагов. Если бежать, то сейчас. Или оставаться.

Я расправила плечи, делая вид, что так всё и планировалось изначально. Что я пришла бы сюда в любом случае.

У входа стояли старшие офицеры: разномастные оборотни и немного друидов. Потомки демонов, видимо, собрались внутри. До самого начала совещания мы будем держаться друг от друга на ненавязчивой, но все же дистанции.

Люди Из-За-Реки видели в нас что-то вроде «королевства» — единые ценности, единая власть, единые цели. Конечно же, это было не так. Много лет назад всех нас объединяло подчинение тварям Бездны, но те времена давно прошли. Потомки демонов и друиды, искажённые оборотни и их дальние, в полной мере контролирующие себя кузены, чистокровные люди и твари, питающиеся человеческой кровью — лоскутное одеяло населяющих Калимор существ затрепало по швам сразу же, как только ему дали волю. Мы расползлись по норам, в лучшем

случае игнорируя друг друга, а в худшем воюя. Не навлеки Цаагал беду на наши головы и те же оборони счастливы были бы вцепиться в глотку Сохору.

Джархан позволил мне войти первой.

Шатёр был громадным — крупнее землянок и домиков в поселении, где до начала этой войны жили мы с матерью, сестрой и Одвалом. Разругавшись с Сохором, мать сбежала поближе к границе и, когда война началась, погибла одной из первых. Сестра умерла от голода в дороге, пока мы лесами добирались до Города Слёз. До отца.

Сохор стоял у стола в центре шатра. Внутри царил полумрак, разгоняемый лишь парой светильников. Худую фигуру отца и его резкое лицо тусклый свет делал донельзя зловещими. Сохор был высок — выше любого другого потомка демона и почти всех знакомых мне оборотней. Его плечи были широкими, таз узким, а конечности неестественно длинными. Лицо правильным, худым и симметричным. Чересчур резким, словно вырезанным из камня, а не вылепленным из плоти. На серой коже зловеще играли отблески огня. Длинные, иссиня-белые волосы были заплетены во множество косичек.

Небесно-голубые глаза, ярко сияющие в темноте, нашли меня.

Я приветственно кивнула, но ближе не подошла. Меня не приглашали. Навряд ли выгонят, но лишний раз лучше не провоцировать. Постою у стенки, сделаю вид, что меня здесь нет.

Одвал, беседующий с близнецами — наследниками Властелина, тоже обернулся. Его глаза сверкнули раздражением.

Меня пробрало дрожью.

— Что, здороваться не пойдёшь? — на ухо мне прошептал Джархан.

— А сам? — огрызнулась я.

Ублюдок растерялся и едва заметно разозлился. Растерянность напоминала чай с мелиссой. Я облизнула губы, откровенно наслаждаясь вкусом.

— Отец занят, — фальшиво фыркнул Джархан, — но я подойду к нему ближе. Пошли.

Ублюдок попытался потянуть меня за руку, но я застыла на месте как вкопанная. Нет уж, мне и без этого влетит, не желаю усугублять.

— Сам иди.

Наши взгляды столкнулись. За нарушение порядка и шум в командном шатре влетит нам обоим, но я наказания не боялась. Цаагал наверняка отмахнётся от меня, поручив воспитание родне. Сохор руки пачкать тоже не пожелает и всё свалится на Одвала.

От брата мне и так уже влетит.

А вот Джархан злить отца боялся.

Ублюдок выпустил мою руку и подошёл ближе к Цаагалу. Кадар направился следом. К брату Сохор всегда относился с интересом и доброжелательностью. В отношениях с отцом это означало, что он примерно помнит насколько ты взрослый и раз-два в неделю интересуется твоими успехами.

Я даже такого “внимания” не достаивалась.

Я осталась на месте. Кроме стола с картами и пары накрытых тканью лавок, в шатре ничего больше не было. Какафонию чувств людей и оборотней я старалась игнорировать, как игнорируют вонь псины или лошадиного пота. Прислушиваться стоило лишь к другим потомкам демонов.

От наших сородичей пахло полыньёю — дурными предчувствиями и совсем немного раздражением. Раздражение по вкусу напоминало испачканную в крови малину. Остальные эмоции присутствующие потомки демонов сдерживали.

Кроме Джархана. Ублюдок был в этом удивительно плох.

«Слишком много человека» — фыркала Оюун с оттенком презрения. Презрение по вкусу напоминало черёмуху. В Оюун крови демонов было даже больше, чем в Сохоре. Не все считали это достоинством, но сама она — да.

«Даже удивительно, как он вообще колдует» — добавляла Оюун ревниво. Джархан был неплохим магом. Не лучшим, чем её собственные дочери, но они и старше были более, чем на дюжину лет. Продолжит учиться и наверняка их обгонит. Оюун это злило. Её злость — кисло-сладкая брусника, ощутимо обжигала язык холодом. А как пронзительно сверкали в ярости её глаза! Да уж, Оюун злиться умела. Не удивительно, что добившись её расположения, отец забыл о моей матери, да и на других женщин никогда больше не смотрел. Страсти Оюун ему хватало с избытком.

Я вздохнула и вернула свои мысли к Джархану. Его беспокойство витало в воздухе, изрядно меня забавляя.

Спустя некоторое время помощник Цаагала объявил о начале совета. Шатёр наполнился оборотнями и друидами. Даже парочка людей затесалась, неведомо как возвысившихся в войске Цаагала.

«Даже они — поднялась во мне ярость, — даже они, но не я».

Кажется, мне удалось удержать свои чувства при себе. Окружающие раздражённо оглядываться на меня не начали.

Военное положение было сложным. Три года назад людям Из-За-Реки удалось сломить наступление Цаагала. Год назад перейти Реку и начать сражения на нашем берегу. За зиму противники изрядно потрепали нас, лето потратили на оборону и попытки удержаться на нашем берегу. С огромными потерями, но у них это вышло. Прошлой зимой, как только Реку затянуло льдом, пришельцы начали развивать успех. Сейчас лёд снова затрещал, и доставлять подкрепления стало сложнее. Навряд ли противники будут воевать активно, скорее постараются не растерять достигнутого.

А мы должны будем их выбить.

Сказать проще, чем сделать: военные лагеря наших врагов давно уже стояли не только вдоль берега Реки. Несколько месяцев назад те заняли поселение в двух днях пути от Города Сле́з, а особо наглые отряды встречались едва ли не на самом пороге дворца Сохора.

— Я говорю тебе, — с рычащими нотками спорил Мохн — глава одного из кланов оборотней, — что не сидят они по крепостям и сидеть не будут. Мы даже лагерей всех их найти не можем. Дождёшься, что половиной войск под Городом Сле́з окажешься.

Никого не удивлял ни тон, ни выражения оборотня. Двоедушцам Цаагал позволял больше, чем всем прочим. Почти все что угодно позволял.

Добиться почтения оборотней было тяжело, но отличались они исключительной верностью. Дураки считали благом интуитивную покорность перед демонической кровью, но, на самом деле, большого преимущества это не давало. Командиров, давивших на инстинкты, оборотни недолюбливали. Упустишь контроль на мгновение — а ты упустишь его рано или поздно, и зубы вчерашних союзников сомкнутся на горле.

Цаагал умудрился добиться от оборотней настоящего почтения. В нашем Властелине — не очень высоком, но прекрасно сложенном и царственно-красивом было что-то, что роднило его с двоедушцами.

Мой отец блохастых терпеть не мог. Я разделяла его мнение.

— Двинемся на них — растянем силы, - сказал Властелин мрачно.

С друидами всё было бы иначе, но друидов было немного. Их никогда не было много — к этому демоны прикладывали все возможные усилия, но сейчас и вовсе единицы остались. Кто погиб, а кто ушёл в непролазные чащи вместе с Талорией, не меньше Сохора или Властела сделавшей для победы над демонами.

Старуха не поддержала стремление Цаагала сближаться с королевствами За-Рекой. Еще до начала войны с людьми Талория поклялась, что пока нынешний Властелин жив, ноги её здесь не будет. Влияние у старухи было. Многие друиды ушли в глухие леса следом за ней.

В нашей ситуации, становящейся всё более и более отчаянной, Цаагал надеялся, что Талория передумает. Пока этого не случилось.

— Начал бояться сражений? — с усмешкой поинтересовался Сохор.

Цаагал посмотрел на него с почти осязаемой угрозой. Когда-то ближайшие союзники и даже друзья, ныне наши с Джарханом отцы откровенно соперничали. Власть Цаагала слабела с каждым проигранным боем. Как только Сохор сочтёт, что союзников у него больше, то сразу же прикончит бывшего друга.

А мне, наконец, можно будет убить Джархана.

— Не собираюсь терять солдат даром. Твоих воинов их паладины бьют, да и оборотней тоже. Ударят они наверняка именно ими.

— Мы учимся и сражаемся с паладинами все лучше, — снова вмешался Мохн, — нужно только придумать, как разделить крупные группы на отряды поменьше.

— У меня были мысли, как их разделить... — задумчиво протянул Цаагал, — Меня волнуют те спрятанные лагеря, откуда они умудряются неожиданно появляться.

— Я найду, откуда они вылезают, — пообещал Мохн.

— Кто нужен? — деловито спросил Цаагал.

— Маги. Бойцы и друиды у меня есть, магов — нет.

Цаагал обернулся на Сохора. Лучшие маги были у отца, и его приказы они выполняли старательнее прочих.

Откровенно говоря, ничьих других приказов они не слушали вовсе. Еще год назад хотя бы почтение изображали, а сейчас нагло делали вид, что вся эта война их не касается.

Сохор пожал плечами:

— Всё, что нужно для общей цели. Конечно же.

Я уловила тонкую нотку яда в его голосе. Цаагал, я уверена, услышал ее тоже.

Собрание шло ещё несколько часов. Я запоминала капитанов, кому я могла бы быть полезной.

В самом конце, когда все уже потянулись к выходу, я пересеклась глазами с Одвалом. Брат жестом потребовал его дождаться. Я тяжело вздохнула, но послушно встала у выхода.

Всё равно влетит, зачем уж усугублять.

Дорогие читатели!

Если вы заметили опечатку/ошибку/ляп - пожалуйста, напишите мне об этом в комменты или в личку.

Я прогнью главы через спец. программу, но что-то все равно наверняка упускаю. Я отключила защиту от копирования, так что если вы используете браузер, то кусочек с ошибкой можно выделить и прикрепить. Спасибо!

Глава 2

Брата пришлось подождать. Ушли оборотни и люди-офицеры, выскочили Джархан и Кадар. Чуть задержавшись, вышел на свежий воздух Сохор. Кивнул мне напоследок с неприятной улыбкой, смысла которой я не поняла. Брат всё ещё оставался внутри.

Наконец, он вышел вместе с властелиновыми близнецами.

Дети, рождённые человеческой принцессой, никогда не нравились мне, но и откровенной неприязни я к ним не питала. Я не любила людей, а людской крови в близнецах было слишком много. Они были детьми Цаагала, а Цаагала я ненавидела. Вот и все претензии, что я имела к Батуру и Хадаку.

Близнецы отвечали мне взаимностью. Мы обменялись короткими кивками и разошлись в разные стороны.

Одвал молчал, пока мы шли по военному лагерю.

Город Слэз — бывший оплот демонов, был крупнейшим поселением. На пике могущества теневых тварей здесь жили сотни тысяч душ. После того как мы разгромили демонов и закрыли порталы в Бездну, всё здесь, разумеется, развалилось. Кто-то погиб во внутренних стычках — и Сохор, и Цаагал, и более мелкие лидеры к своему положению шли по трупам. Кто-то ушёл мирно, понадеявшись найти новый дом в другой части Калимора. Кого-то уйти вынудили. Многие погибли от голода в первые зимы — Властелин, назначаемый демонами, как оказалось, не только рабов на стол им подбирал, но и разбирался с тем, чтобы прочих невольников чем-то кормили. С его смертью посыпались отлаженные механизмы и еда быстро перестало хватать.

В конечном счёте здесь остался лишь Сохор да ещё те, кто видел своё будущее под его крылом. Почти все местные были потомками демонов. Атмосфера этого места, если уж на то пошло, нравилась нам.

Будоражила.

Придавала сил.

Я, ранее детство прожившая в иных землях, никогда не забуду, как оказалась здесь впервые. Я была совсем мала — шестой, быть может седьмой год мне тогда исполнился. Но я помню.

Как зазвучала внутри музыка — гонги, барабаны и что-то звонкое, имени чему я не знала. Как сердце забилось быстрее, а тени словно бы стали глубже. Это тяжело объяснить, но до Города Слэз я будто бы и не жила никогда по-настоящему, а здесь, наконец, проснулась от мутного сна.

Большая часть города сейчас лежала в руинах. Приближённые, рабы и слуги Сохора жили в бывшем дворце демонов или около него. На Западе, в паре миль за городом, стоял военный лагерь. Воякам здесь было удобно из-за ауры этого места, из-за «Нор» пока не затянувшихся, а также из-за близости домов, которые можно было разобрать на топливо и материалы. В черте города было бы ещё лучше, но такого не позволял Сохор. Семья Цаагала, гостящая во дворце — допустимо, а вот блохастых двоедушцев видеть в своих землях отец не желал.

Будь авторитет Цаагала крепче, и отцу пришлось бы уступить. Но войну Властелин проигрывал. Не в его интересах было обострять внутренний конфликт.

По развалинам брошенной части города мы с братом прошли в тишине. Только у самого дворца Одвал скомандовал коротко:

— Ко мне.

Я пошла за ним.

Как дети Сохора мы жили в лучшей части дворца. Здесь сохранилась не только великолепная отделка — безупречно отполированный камень и искусно вырезанные барельефы, но и тонкой работы мебель.

В комнате Одвала стоял огромный каменный стол. Вырезанный из единого куска чёрного мрамора, в диаметре он был даже больше, чем размах моих рук.

Ненавижу этот стол. В детстве брат частенько порол меня на нём. Я дёргалась и извивалась, а каменная бандурина стояла совершенно неподвижно. Представить страшно, сколько она весит.

Уже несколько лет Одвал не бил меня — толкнуть мог или отвесить пощёчину, но всерьёз — нет. Теперь он запирает меня в моей комнате и оставлял думать над своим поведением в одиночестве. Несколько раз распорядился не приносить мне еды, но, убедившись, что голод я воспринимаю спокойно, отказался от этой затеи. Скуки мне хватало с лихвой.

Я сложила руки на груди и посмотрела на него с вызовом.

Я считала, что каяться мне не в чем. Могла бы извиниться фальшиво, но брат знал меня слишком хорошо. Всё равно не поверит.

— Тебя Джархан притащил? — спросил Одвал устало.

Мои глаза расширились на мгновение. Скинуть всё на ублюдка было заманчивой идеей.

Даже не знаю, почему я от неё отказалась.

— Сама пришла.

Брат хмыкнул.

— Видел я, как он тебя за руку держал. И как смотрел, тоже видел.

— Какой ты внимательный, — протянула я иронично и без спроса села на ближайший стул, — Джархан может и считает, что это он меня «притащил», а я знаю, что пришла сама. Я тоже хочу понимать, что происходит.

— Я запретил.

— И участвовать хочу.

Брат оказался рядом быстрее, чем я успела испугаться. Схватил за одежду и вздёрнул на ноги с удивительной силой. Одвал был похож на Сохора — такой же вытянутый, такой же худой и почти такой же высокий. Я всегда удивлялась, откуда столько силы в его тощих руках.

— Не зли меня, Сарано, я уже устал от твоей невыносимой тупости.

Я зло зарычала. Попыталась отстраниться, но брат держал меня крепко.

— Так оставь меня, если устал! Дай мне делать то, что хочу, раз я такая бестолочь и твои мудрые советы всё равно не слушаю!

— Послушаешь, — процедил брат и толкнул меня на мраморный стол. Я ударилась о него спиной и замерла. Внимательная. Послушная. Покорная.

Не только оборотни интуитивно подчинялись демонам. Наша собственная кровь работала по тому же принципу. Сильный повелевает, а слабый подчиняется.

Это сильнее разума, сильнее воли, сильнее всего, что я привыкла считать «собой».

«Сарано» — восемнадцатилетняя девушка, мечтающая, чтобы её пустили на войну, была ничем перед силой, к которой сейчас взывал Одвал.

Перед Бездной, растворенной в моей крови.

Наваждение продлилось лишь пару секунд. Брат мог держать меня в подчинении и дольше — минуты, а то и десятки минут. Он делал так прежде, когда хотел, чтобы я выслушала его и наверняка запомнила каждое слово.

Или не дёргалась во время порки.

В любом случае, сейчас он лишь одёрнул меня, напомнил о моём месте. Я укусила себя за щеку. Ощутила во рту кровь. Попыталась собраться. Заговорила спокойнее.

— Не злись. Сколько можно занимать меня всякими глупостями? Войска людей уже почти у Города Слез. Если ты надеялся защитить меня, то у тебя не вышло. Я тоже хочу быть полезной. Влиять хоть на что-то. Одвал, пожалуйста.

Он поморщился и подошёл ко мне вплотную. Я напряглась, когда брат поднял руку, но бить меня он не стал. Провёл по щеке, нежно очерчивая овал лица.

— Ты будешь полезной. Наберись терпения и делай то, что я тебе приказываю.

— Читай книжки? — просочился в голос яд, несмотря на все мои старания. — Разглядывай картинки? Расспрашивай пленных об их семье и обеде? Что из этого поможет выиграть войну?

— Всё это поможет её не начать. Будь наш Властелин тем, кто «читал книжки» и с людьми Из-За-Реки мы жили бы мирно.

— Но мы не живём! Война уже идёт, какой теперь прок от всего этого?

— Она закончится.

— Ты так в этом уверен?

— Да, уверен. Война всегда заканчивается. Тем или иным способом. Когда-нибудь нам нужны будут те, кто знает, как не начать новой.

Я слышала это прежде. Давно и иными словами, но Одвал уже пытался объяснить мне свою идею.

Надо ли говорить, что я считала старшего брата идиотом?

— Но я живу сейчас. Сейчас нужны воины. Я могу драться.

— Да провались ты в Бездну, Сарано! — сорвался Одвал и повысил голос. Я невольно вжала голову в плечи. — Все здесь могут драться! Каждый первый хоть что-то да может! А вот пленного допросить не каждый раз грамотея находят.

Одвал схватил меня за одежду, подтянул к себе, вынуждая подняться на носочки.

— Будешь просто уметь драться — погибнешь в первых рядах, как тысячи до тебя. Будешь полезной и тебя будут беречь. Почему, идиотка малолетняя, ты никак не можешь этого понять?

— А если я не хочу, чтобы меня берегли? — зло прошипела я.

Брат выпустил меня. Я не удержала равновесия и плюхнулась на столик задницей.

Я помнила, как погибла мать. Она надеялась договориться. Вышла из поселения с десятком других самоубийц, верящих, что люди Из-За-Реки их выслушают.

В тот день на мне была верхняя одежда из разноцветных лоскутов тёплой, удивительно мягкой ткани. Мать купила полотно на бельё и рубахи у торговца с Той-Стороны, а он подарил ей остатки тканей для дочки.

Мать думала, что люди Из-За-Реки ее послушают. Что поймут и поверят: жители нашей деревни не имеют ни малейшего отношения к Цагалу, годами мучившего свою принцессу Из-За-Реки.

А они настигали мать стрелами, не позволив даже приблизиться.

Я не хотела договариваться.

Я не хотела мира.

Я не хотела быть в безопасности.

Я хотела убивать.

Найдя что-то в моих глазах Одвал, отступил на шаг назад. Я обняла себя за плечи и заговорила тоскливо, муторно и надрывно. Так как говорила я только с ним.

— Я же сбегаю от тебя когда-нибудь. Обещаю — сбегаю.

— Что ты в лагере делала? — спросил Одвал, неожиданно переводя тему. Я решила ответить честно. Всё равно узнает, если захочет.

— Юл меня драться учит. Давно уже. К нему и бегаю. Неужто не донесли?

— Я думал, что вы спите.

— Одно другому не мешает, — пожала я плечами.

Юл был красивым. Грубым и целовался слюняво, но тело у него было совершенным. Словно не дрался как бешеный седьмой год кряду, словно не голодал вместе с остальными суровой зимой.

— Чему учит?

Я замялась. Врать Одвалу было глупо — усомнится хоть на миг и заставит выложить все, взывая к крови. Это ужасно унижительно.

Но и рассказывать правду не хотелось.

Брат предположил сам, видя мои колебания.

— Магии учит?

— Пытается.

С магией у меня не ладилось. Совсем бездарных среди потомков демонов не было — хоть краем, но каждого тень зацепила. Меня, несмотря на сильную кровь, она коснулась лишь самым краем своего крыла. Я чувала магию, в тенях умела прятаться, когти себе удлинять. Мелочи, да фокусы.

— Не выходит? — с пониманием уточнил брат.

Я вынуждена была кивнуть. Хорошо хоть про оружие спрашивать не стал. С ним — а ещё с теньвыми когтями, которые я всё же освоила — у меня получалось лучше. Будет здорово, если выйдет сохранить это в секрете.

— Мясным щитом или стрелой, пущенной в один конец, я стать тебе не позволю. А вот если научишься чему-то исключительному...

Наживка была очевидна, но кем я была бы, если бы её не заглотила?

— Чему?

— Боевую трансформацию освоишь — найду тебе место. Рядом с собой поставлю.

Я фыркнула.

— Этому быстро не учатся.

— Смотря кто. Смотря как. Я, если ты помнишь, научился быстро.

Я помнила. Враги ворвались в поселение, без труда миновав от зверья выстроенный частокол. Начались убийства. Лилась кровь. Мы втроем — я, Одвал и младшая сестра, лишь недавно вставшая на ноги, пытались сбежать. Не через вторые ворота — там была толпа и давка. В стороне, ближе всего подходящей к лесу, мы попробовали перебраться через частокол. Четвёрка мужчин с оружием появилась неожиданно. Не помню, успела ли я испугаться. Помню фигуру брата, ни с того ни с сего увеличившуюся в полтора раза. Искажившуюся и ставшую отчасти звериной. Помню, как тени вокруг него сгустились, став и доспехом, и плащом, и дополнительными мускулами.

Не помню, как Одвал убил солдат, помню лишь, как нюхал нас с сестрой, дышал морозом и кровью мне в нос прежде чем стать прежним.

— Тебя мать учила.

— Да, но недолго. Меньше года, да и то урывками между делами. А я был тебя младше. Год-то ещё потерпишь?

Я задумалась.

Потерплю. Если что-то из этого выйдет, то, конечно же, потерплю.

— А ты чего хочешь? — спросила я сумрачно. Так просто с Одвалом не бывает. Как бы не загнул дурной цены.

— Тому, чего хочу от тебя я, ты тоже будешь учиться. Ответственно и прилежно. А к Юлу бегать перестанешь.

— А если ты будешь учить меня плохо? Специально, чтоб я ничего не сумела.

— Сарано, — заглянул брат мне в глаза, — разве я хоть когда-нибудь тебе врал?

— Не пойман — не вор, — ответила я уклончиво.

— Вот и хорошо. Узнаю, что бегаешь к Юлу — посажу на цепь.

— Да пошёл ты, — оскалилась я.

На мгновение мне показалось, что Одвал меня ударит. Он сдержался.

— Убирайся. Завтра скажу, когда у меня будет на тебя время. Свою часть не выполнишь — никакой учёбы.

Я кивнула и выскочила за дверь, пока брат не передумал.

Уже в коридорах, по пути к собственной комнате, у меня запоздало участилось сердцебиение. Даже не верилось, что я отделалась так легко. Не ударил, в комнате не запер, и даже заниматься чем-нибудь особенно неприятным не заставил.

Конечно же, кроме надоевшей учёбы, но её я давно воспринимала неизбежностью.

И, что самое главное, впереди замаячили хоть какие-то перспективы.

Это было подозрительно. Что задумал Одвал? Просто тянет время или придумал какой-то новый план, как держать меня подальше от сражений?

Это было бы разумно — я ведь давно уже не ребёнок. Давно и сбежать могу, и сама прибиться к какому-нибудь отряду. Вдали от Сохора и Властелина, конечно же, но ведь могу.

Не этого ли испугался брат?

Вряд ли.

Уж он-то должен понимать, что я не сбегу.

Это было жалко и стыдно, но куда я денусь от единственного существа, которому на меня не плевать?

Пускай заботился он обо мне совершенно не так, как было должно, но ему хотя бы было до меня дело. Он заметит, если я исчезну. Расстроится, если умру.

Куда я от него денусь?

Я зашла в свою комнату и закрыла её изнутри на засов. Не красивые покои, вроде тех, что занимал брат, лишь тесная коморка с узким окном под самым потолком. Здесь я — не владеющая магией достаточно хорошо, чтобы поддерживать охранные чары, чувствовала себя безопасно. Относительно.

В самой оживлённой части Города Слёз можно было не бояться людей Из-За-Реки, но дети — и Джархан с его приятелями, и другие отпрыски Сохора, бывало, оставляли в моей комнате неприятные сюрпризы. Или заглядывали среди ночи отнюдь не по душам поговорить.

После пары таких случаев я бросила красивые покои. Выбрала себе комнату без крупных окон, почти без мебели и всего с одной дверью, закрывающейся на тяжёлый засов.

Несмотря на скромную обстановку мне здесь нравилось.

В комнате была кровать — узкая, но достаточно длинная. Большой сундук — мой «скарб» не занимал в нём и трети места. Зеркало.

Скупого света луны, проникающего сквозь окно шириной в ладонь, мне хватало, чтобы себя рассматривать. В темноте потомки демонов видели почти так же хорошо, как и на свету.

Я была низкой и миниатюрной — вся в мать, как говорил Одвал.

Множество издёвок Джархана строились на том, какая я мелкая. Худосочная. Угловатая.

«Совсем дите» — очень редко, в порыве несвойственной ей жалостливости, вздыхала Оуюн.

Мне нравилось, как выглядит моё лицо — правильное, симметричное и гармоничное. Прямой нос, острый подбородок, крупные глаза.

С лица я казалась младше своих лет.

Только взгляд у меня был взрослым. Это приходилось признавать даже брату.

Я упала на постель и закуталась в одеяло. Было холодно. Дворец прогревался хитрой системой труб с водой из горячих источников, но моя комната была высоко и грелась слабо. В самые холодные зимние ночи вода, оставленная в кувшине у кровати, покрывалась ледяной коркой к утру.

Что делать с предложением брата? Искать подвох или играть честно?

Юла я не любила, да и он меня тоже. Мы спали лишь потому, что того хотели наши тела, да ещё и оттого, что бегать к капитану просто пообщаться было бы подозрительно. Любовник — хорошая ложь. Она долго работала.

Лет до четырнадцати-пятнадцати меня учили как всех. Магии и бою, скрытности и выживанию, основам травничества и необходимым домашним ремеслам. Всему тому, чему учили и остальных детей. Брат был рядом с Властелином, сражался по ту сторону Реки, лишь изредка навещая Город Слёз.

Мне было обидно. Люби Одвал меня по-настоящему, так как любил Цагал своих «законных» детей, и я была бы рядом с братом. Даже Джархан и тот с раннего детства сопровождал отца, едва ли не десятилеткой первый раз оказавшись в бою.

Я лучше Джархана!

Но брат оставил меня в Городе Слёз с малышняй и сиротами. Оуюн, управляющая всем в отсутствии Сохора, была мне хорошей матерью. Не доброй и не мягкой, но ничем не выделяющей меня среди родных детей.

Затем война переместилась на наш берег, и брат стал следить за мной тщательнее. Я не знаю почему Сохор отдал ему право направлять моё обучение, но с этого момента всё изменилось. Появились уроки языков Из-За-Реки и чтение их непонятных книг. Появились люди, которых я должна была «понять».

А вот обычные мои занятия попали под запрет.

Неужели сейчас Одвал начнёт учить меня сам?

Хорошо бы.

«Брата уважает даже Вла... Сохор», — мысленно исправила я.

Властелин умрёт. Сохор будет править.

«Брата уважает даже Сохор», — думала я, засыпая, — «и меня тоже будет».

Глава 3

Я и вправду старалась вести себя хорошо. Прилежно конспектировала книжки Из-За-Реки, неведомо какими путями оказавшиеся во дворце Сохора. Заучивала фразы из их глупого языка. Часами разговаривала с пленницами Цаагала — они, в отличие от захваченных воинов, на что-то ещё надеялись и искренне пытались со мной подружиться.

Кроме естественного отвращения, я почему-то чувствовала к ним противоестественную жалость.

Воспоминания о матери, идущей навстречу захватчикам — я не помнила момента её смерти, лишь удаляющуюся от меня спину — помогали отвлекаться от ненужных чувств.

Брат тоже выполнял своё обещание.

Каждый, в чьих жилах текло достаточное количество демонической крови, мог обратиться к наследию Бездны. Зачерпнуть в нем силы и ярости, недоступной человеку. Сугубо теоретически, это должно было быть несложно. Главное, преодолеть естественный страх, а дальше кровь сама сделает всё, что требуется.

Так говорили.

Я никогда не пыталась.

С самого детства меня, как и любого подобного мне, учили держаться за человеческую свою часть.

Она делала нас слабее, но она давала нам возможность выбирать. Общаться или драться, кусать или целовать. Бросаться в бой или стоять в стороне. Любить или ненавидеть.

Да и просто любить.

Демоны не умели испытывать ничего кроме похоти и ярости. Мы уж точно подобного за ними не замечали.

Демоны были простыми. Примитивные желания и эмоции, очевидные правила и до тошноты просто устроенное общество. Сильный приказывает. Слабый подчиняется. Без размышлений, без сомнений, без шанса на неповиновение.

За годы жизни бок о бок с демонами мы усвоили твёрдо — с ними невозможно договариваться. По самой своей сути твари Бездны не понимали концепций «дипломатии» или «переговоров».

Сильные приказывают. Слабые подчиняются. Ничего больше, ничего кроме.

Вся свобода, всё неповиновение, что жило в нас, было от людей. А потому даже те, кто не видел вреда от жестокости и ограниченности, свойственной демонической крови, старался вести себя так, будто бы человека в нём было больше.

Поддаваться голосу Бездны считалось опасным. Слишком легко было скатиться в безумие: утратить контроль и начать бросаться на своих же. Такое случалось. Не регулярно, но огорчительно часто.

Говорили, что некоторых безумцев иногда удавалось «вернуть». Большую часть убивали.

Особое восхищение вызывали те, кто демона в себе мог контролировать и использовать.

Такие, как мой брат. Как мать. Как Оюун.

Шёл четвёртый месяц занятий, но я не сдвинулась ни на йоту. Сомнения, действительно ли брат учит меня, всё чаще возникали в голове.

— Это точно поможет? — спросила я перед тем, как начать выполнять очередное странное упражнение. Нечто похожее я делала еще ребенком в надежде овладеть магией тьмы на достойном уровне.

— Это подготовительное упражнение, — подтвердил брат, — я тоже их делал.

— В чём смысл?

На мгновение Одвал показал мне свою растерянность. Затем улыбнулся — слабо, но искренне и заговорил с тенью смущения.

— Не знаю. Я просто повторяю с тобой все то, что мать когда-то велела делать мне. Я давно забыл её объяснения, но мы с тобой одной крови. Старайся и у тебя выйдет, как вышло у меня.

Я сложила руки на груди. Откровенно говоря, я надеялась на другое.

— А ты меня чему бы учил? Как у тебя получилось? Что важно?

Одвал пожал плечами.

— Перекинуться несложно, но понимаешь ты это только после того, как у тебя уже получилось. Я не знаю, как надо этому учить, у меня самого вышло на эмоциях. Ты помнишь на каких. Потом, зная, что делать, становится легко.

— А не сойти с ума?

— Нужно иметь чёткую цель. Понятную. Держать её в голове, что бы вокруг не творилось.

— В детстве мне говорили, что упражнение, которое мы делаем сейчас, развивает концентрацию, — смутно вспомнилось мне.

— Вот и выполняй, — буркнул брат, не скрывая раздражения.

Я тяжело вздохнула и подчинилась.

Затем люди Из-За-Реки напали на стоящий у самого Города Слёз лагерь Властелина.

Никто не понял, как они оказались там. Возникли из ниоткуда, но рванули к шатру Цаа-гала так, будто совершенно точно знали, куда бить. И подготовлены к бою они были куда лучше наших расслабившихся в тылу вояк.

Впрочем, желаемого люди не добились.

Пришельцы ранили Цаагала — ранили, но не убили. Зачем-то похитили Чамдо — его не слишком-то нужную дочь. Убили часть охраны, но и сами потеряли едва ли не половину отряда.

В общем, покушение на Властелина не удалось, а его бастардка от человеческой женщины навряд ли оправдывала потери.

Цаагал был в бешенстве от того, что людям удалось сбежать.

Сбежать через «нору».

«Норами» назывались искажения пространства, появившиеся из-за долгого соприкосновения с Бездной. Обилие магии тьмы сформировало нечто вроде проходящих по самой грани Бездны дыр в реальности. Все «норы» были связаны друг с другом, и попадая в одну, ты всегда вываливался из другой, но невозможно было предсказать из которой точно. Люди и оборотни, попадавшие в «нору», сходили с ума либо погибали. Демоны ходили через них как через двери и сами выбирали, в какой конечной точке хотят появиться. Потомки демонов сталкивались с последствиями, но выживали. Чем больше демонической крови, тем проще проходило «путешествие».

Никогда прежде мы не слышали о чистокровных людях, способных путешествовать этими путями.

«Норы» затягивались со временем. Мир, оторванный от Бездны, постепенно исцелялся. Однако до полного исчезновения прорех было ещё далеко.

А сейчас через «нору» умудрились сбежать люди.

Это было немыслимо. И очень, очень опасно.

Когда всё случилось, я была недалеко от лагеря вместе с Оюун и старшей её дочерью. Отправив Уянгу домой — проследить за безопасностью младших, Оюун поспешила в военный лагерь. По пути мы наткнулись на Сохора, также стремящегося узнать причину переполоха.

Из лагеря навстречу нам вышел Одвал. Он и рассказал подробности происшествия: о нападении, о Чамдо и о способе, каким ушли люди Из-За-Реки.

Что Цаагал рвет и мечет, срывая злость на своих шавках. Что лучше бы нам вернуться в Город Слёз.

Лицо Оюун впервые на моей памяти отразило растерянность и искреннее огорчение.

Огорчение — чёрная рябина, вяжущая, но сладкая, долго ещё оставалась у меня на языке.

Даже Сохор на пару мгновений утратил над собой контроль. Его страх и его ярость ударили мне в лицо, вызвав нервную дрожь.

Страх — режуще-острый, ярость — ядовито-кислая, будто злость, но без единой нотки сладости.

Захотелось сплюнуть, а то и прополоскать рот липовым отваром.

Отец быстро взял себя в руки. Оюун медленнее.

Одвал схватил меня за предплечье и зашептал на ухо:

— Живо во дворец и чтоб за его пределами я тебя не видел.

Я посмотрела ему в глаза — напуганная и злая, но бесконечно упрямая.

Полбеда, если отряд людей Из-За-Реки сумел прокрасться мимо наших дозорных. Цаагал устроит взбучку оборотням, и те сделают патрули плотнее. Повторить такой фокус несколько раз, да ещё и с крупными отрядами, будет невозможно.

Много хуже, если люди нашли способ перемещаться по «норам» подобно демонам. Весь Город Слёз с его окрестностями был пронизан разрывами в пространстве. Сотни и сотни дыр в обороне. Мы не сможем защищать их все, и люди будут шнырять по нашим землям, как им заблагорассудится.

Город Слёз придётся оставить.

После такого провала Сохору тяжело будет состязаться с Цаагалом.

Да и тому придётся несладко. Шутка ли, спешно менять всю логистику и организацию наших войск.

Лучше бы людей принесли сюда их далёкие светлые боги.

Разве могу я сидеть в стороне, когда речь идет о чем-то настолько важном?

— Не время для твоих капризов, — зло зашипел Одвал.

Неожиданно его перебил Сохор:

— Хватит! Взрослая девка, а ты всё нянчишься с ней, как со слепым щенком.

Одвал замер. Его рука на моем предплечье окаменела

— Она моя сестра.

— Но моя дочь. И с этого дня я запрещаю тебе опекать её.

— Спасибо, — вставила я резко и выдернула руку из хватки Одвала. Тот посмотрел на меня с искренней обидой. Как на предательницу.

Оюун, наконец, пришла в себя и заговорила бесцветно, невыносимо пусто. Она всегда говорила так, когда сдерживать эмоции ей было тяжело.

— За несколько часов я нанесу на карту Города Слёз все известные нам «норы». Отмечу участки, где «нор» может быть больше. Поставлю охрану у каждой «норы» рядом с дворцом и изменю патрули так, чтобы лучше следить за опасными участками.

— Хорошо, — согласился Сохор, — мне нужно отправить несколько посланий. Затем я поговорю с Цаагалом и узнаю, что думают об этом его блохастые друзья. Вышли люди из «норы» или пришли по лесу оборотни должны унюхать.

Одвал стоял столбом и молча играл желваками. Сохор имел привычку сутулиться, а вот брат всегда держал спину ровно. И сейчас тоже.

Наш отец посмотрел на него мрачно.

— Узнай, что думают об этом детишки Властелина.

— Ты же сам пойдёшь к нему? — хмыкнул брат.

Сохор поморщился.

— Своим сыновьям Цаагал скажет больше, чем мне. А они поделятся с тобой. Вы же друзья?

— Друзья, — подтвердил брат.

— Тогда не раздражай меня, — холодно сказал Сохор. Бросил быстрый, но очень выразительный взгляд на меня и отвернулся, целеустремлённо направившись прочь.

Брат взял меня за руку и потащил в сторону Города. Я попыталась вырваться, но Одвал сжал моё предплечье и резко дёрнул вперёд. Я едва не потеряла равновесие, но удержалась на ногах оперевшись на брата.

Я зарычала, но сопротивляться не перестала.

— Отец приказал перестать опекать меня! Я пойду в лагерь вместе с тобой! Я хочу знать, что там творится.

— Ничего такого, на что ты могла бы повлиять, — не оборачиваясь продолжал Одвал тащить меня к Городу.

— Лагерь — самое безопасное сейчас место, — попыталась я зайти с другой стороны.

Одвал не замедлился.

— Не безопаснее твоей комнаты.

— Я ведь сбегу из неё!

— Не сбежишь, — пообещал брат мрачно.

По спине прошла дрожь неприятного предчувствия. Я глубоко вздохнула, постаралась сделать голос умиротворительно-просящим.

— Попытаюсь. Вдруг получится? Вдруг поможет кто? В лагере ведь и правда безопаснее. Там все вооружены, все начеку. И я лезть никуда не буду. Рядом с тобой тихо похожу или постою где-нибудь. Приключений искать не стану. Одвал, пожалуйста. Всем же проще будет.

Брат остановился и посмотрел на меня мрачно. Я чётко видела, как разумность моих доводов борется с его упрямым нежеланием соглашаться.

— Я буду очень покладистой, честно. А потом вернусь домой. И выходить не буду, обещаю. Мы с Чамдо почти дружили.

— Врёшь, — поморщился брат и выпустил мою руку. Я потёрла кожу. Синяки останутся.

— Почти. Она редко меня злила. Я думаю, что это считается.

Одвал провёл рукой по лицу и посмотрел на меня с тенью беспомощности. Новое выражение. Мне даже почти стало его жалко.

— Хорошо. Пошли.

У входа в шатёр властелиновых близнецов я остановилась. Мы не были друзьями, и никогда прежде они не приглашали меня к себе. Но сегодня я была с Одвалом, и он подтолкнул меня внутрь.

Хадаку, увидев меня, выгнул бровь.

— Эта дура вяжется в неприятности, если я оставлю её одну — резко пояснил брат.

Я остро ощутила и раздражение, и стыд. Одвал таскал меня за собой, словно глупую малолетку, и опекал так же. Не только при Сохоре или Оюул. При мальчишках Властелина!

Батур и Хадаку были младше меня на четыре года, но выглядели старше. Близнецы были рослыми, плечистыми и хорошо сложенными. Их лица были чуть более квадратными, нежели у Джархана или Цаагала, и это заставляло их выглядеть почти мужчинами.

Я же была мелкой для своих лет. И крови демонов во мне было больше.

Такие как я росли медленнее, но жили дольше. Сохору уже сейчас было около сотни, а по меркам людей выглядел он едва ли на пятьдесят.

Мне было восемнадцать, но женские кровотечения начались у меня всего два года назад.

Однако разве давало это моему брату право вести себя так, будто рядом с близнецами я была малышкой?

Я считала, что нет.

Разумеется, я промолчала.

Батур кивком предложил мне сесть. Я опустилась на ближайшую лавку. Одвал остался на ногах.

— Я уверен, что вашу сестру сумеют спасти, — заговорил брат мягко, — если бы они хотели просто убить Чамдо, то сделали бы это здесь. Заложницу будут беречь.

— Если они живы, — заметил Хадаку.

— Прыгнули же они зачем-то в «нору», — пожал плечами Одвал.

— От отчаяния, — ответил ему Батур, — забавно выйдет, если все они вывалятся трупами и сестру просто загрызут звери.

— Забавно? — вяло возмутился Хадаку. Его брат лишь отмахнулся в ответ:

— Ты понял, что я имею в виду.

Резко распахнулся полог шатра. Внутрь вошёл Цаагал. На моём языке расцвели вкусы малины, крови и горького полынного отвара — уязвлённого самолюбия.

Я заколебалась на мгновение — вскочить на ноги и поклониться, как полагалось по новомодному «этикету», или сидеть тихо, пытаясь не привлекать к себе внимания? Я выбрала среднее — поднялась с лавки, но сделала шаг назад, подальше от главных действующих лиц.

Взгляд Цаагал скользнул по мне, словно по столу или стойке с картами.

— Сохор прислал? — спросил он у брата.

Одвал кивнул, но добавил с выражением, для которого я не знала слов. Терпкий гречишный мёд, лёгкая горечь.

— Я и так пришёл бы. Чем я могу помочь?

— Отца прикончи.

— Не сумею, даже если бы был согласен.

— Если бы, — веско бросил Цаагал.

От брата запахло огорчением — вяжущей чёрной рябиной.

— Он мой отец. Отцов не убивают.

— Он своего убил.

— Я не он.

Хадаку кашлянул и выразительно посмотрел на меня.

Мне стало страшно.

— Сарано сделает то, что я скажу ей, и не сделает того, чего я прикажу не делать. На Сохора ей плевать. Я давно хотел попросить тебя позаботиться о ней в случае чего, — сказал брат.

Я молчала. Меня ни о чем не спрашивали.

— Головой за неё отвечаешь, — бросил Цаагал веско, но не угрожающе. Я поняла, что мне позволено остаться.

И что значит это разрешение, я тоже поняла.

«Вот же... братец» — мысленно ругнулась я.

Отца я боялась, но и к Цаагалу тёплых чувств не питала. Мягко говоря.

И дело было не только в том, как нахально насаждал Властелин чуждые Калимору порядки. Не только в ставке на оборотней, отношении к которым я невольно переняла у отца. Не в запуганных человеческих пленниках. Не в отсутствии военных успехов.

Не только в этом.

Я до крови укусила щеку, сдерживая совсем уж опасное чувство.

Не здесь. Не сейчас.

Цаагал ничего не заметил и заговорил раздражённо.

— Их кто-то сюда провёл. Подсказал удачное время. Указал на мой шатёр. Объяснил, как лучше сбежать.

— Это не Сохор, — поспорил брат, сразу же осознав обвинение.

Хадаку смотрел на меня. В его взгляде мне чудилось подозрение. Понятия не имея, насколько хорошо мне удавалось скрывать свои переживания, я почувствовала, что вот-вот начну паниковать.

— С чего ты взял? — очевидно не был согласен с братом Цаагал.

— Он испугался, — встряла я в чужой разговор. Взгляды присутствующих сосредоточились на мне. Мне стало страшно, но, как подумала я удовлетворённо, это был объяснимый страх. Страх-маскировка, скрывающая мой истинный ужас.

— Что? — спросил Цаагал у меня.

— Когда Сохор услышал новости, от него запахло страхом. Отец плохой актёр. Скрывает хорошо, а играет — не очень. Это было искренне. Он не чувствовал бы себя так, если бы это был его план.

На некоторое время повисла тишина. Властелин размышлял, а остальные не осмеливались ему мешать.

— Хорошо, — наконец, кивнул Цаагал, — пока понадеемся, что вы двое правы. Даже не знаю, огорчает меня это или радует. В любом случае нам нужно найти того, кто сговорился с людьми. Это самое важное.

«Не вернуть Чамдо, — подумала я зло, — не узнать, умеют ли люди выживать в «норах». Не обезопасить Город Слез. Только твою задницу прикрыть».

Брат кинул на меня косой взгляд. Я сделала глубокий вдох. Затем такой же выдох. Такой же вдох.

Нельзя выдавать себя. Ни в коем случае нельзя.

— Как прикажешь, — согласился брат.

«Властелин, вас ищет Сохор», — закричали снаружи. Цаагал сделал шаг к выходу.

— Найдите мне предателя. Это то, чего я хочу от вас тро... четверых, — в последний момент исправился он.

Меня захлестнуло злостью, но никто, похоже, ничего не заметил.

Брат пообщался с близнецами ещё какое-то время. Они обсудили дела и договорились о том, что он передаст Сохору. Даже меня попросили быть внимательной и присмотреться к парочке родственников, рядом с которыми я росла.

Затем мы пошли домой. Брат отвёл меня в мою комнату и остановился на пороге, приготовившись попрощаться. Я втащила его внутрь и захлопнула дверь.

— Цаагал? — спросила я с глухой яростью. — Ты предал отца ради Цаагала? Из-за этого выродка погибла мама!

Глава 4

Брат посмотрел на меня устало. Преувеличенно устало. Я знала Одвала достаточно хорошо для того, чтобы разглядеть в его глазах неуверенность, страх и желание избавиться от меня под предлогом тяжёлого дня.

«Боишься, что выдам?» — подумалось мне с горечью.

— Мать убили люди Из-За-Реки. А оказалась у самой границы она из-за Сохора. Его вини.

— Он не выгонял её.

— У нее была причина уйти.

— Мне плевать на размолвки родителей! — не нашла я ничего лучше, чем повысить голос, — мать захотела уйти и ушла. И здорово! Разве плохо нам было с ней? Мне было хорошо! Это Цагал разрушил нашу с мамой жизнь!

— Сарано, он ни в чём не виноват. Люди не рассказали ему о своих порядках, хотя были должны.

Я задохнулась от возмущения и ярости. Ударила кулаком по стене, громко зашипела от сильной боли. Брат ругнулся и перехватил моё запястье.

— Ты кисть себе сломать хочешь?!

— Он полез к людям За-Рекой. Захотел быть как они, но только взбесил их своим нелепым фарсом. Разозлил всех, устроил новую войну. Дал надежду таким, как наша мама, а потом сам сломал всё, что они успели построить. Он жалкий, слабый, бесполезный...

Брат ударил меня по щеке. Коротко и без замаха, а потому совершенно не больно.

Но и этого было достаточно, чтобы я потеряла голову от обиды и ярости.

Тень сгустилась вокруг кулака, словно боевая перчатка. Брат сжимал моё правое запястье, а потому я замахнулась слева.

Разумеется, он успел сотворить и подставить теневой щит. Ударил меня по лицу ещё раз. Уже сильнее.

Я извернулась и укусила его ладонь, словно дикий зверёныш. Вкус крови наполнил мой рот. Выпустив мою правую руку, брат болезненно зашипел и ударил меня по голове локтем.

В глазах потемнело, и я почти осела на пол, не видя и не чувствуя ничего вокруг. Когда сознание прояснилось, брат прижимал меня животом к постели, держа мои руки за спиной.

— Ещё одна дурость и я сам тебе что-нибудь сломаю, - прозвучало злое.

Я провела языком по зубам. Целые. Надо же, даже рот не разбил.

— Отпусти.

Брат задумался на мгновение, но, судя по всему, тон у меня был достаточно уравновешенным. Он выпустил мои руки и позволил сесть на пол, прижимаясь к постели спиной.

Пахло виной и яростью. Смешиваясь на моём языке, эти запахи наводили на мысли о протухшей еде или компостной куче. Тошнило. Остро хотелось быть где угодно, лишь бы не здесь.

Брат провёл ладонью по лицу. Он казался очень, очень несчастным.

— Хочешь ты этого или нет, но я с Цагалом. Расскажешь Сохору, и он меня прикончит.

Брат смотрел на меня испытывающе и словно бы ждал ответа.

Я молчала.

— Ты понимаешь меня?

Я поджала колени и положила на них подбородок.

Всадник без сменных лошадей от Реки до Города Слёз доберётся за неделю. Мы с сестрой и братом бродили по лесу больше месяца. Еды не было, а тварей Бездны тогда извели ещё не

всех. Моя память была милосердна — я совершенно ничего не помнила о тех днях. Только знала, что без брата давно уже была бы мертва. А ему без меня было бы только легче.

Одвал поднялся на ноги.

— Цаагал лучше Сохора и иметь с ним дела приятнее. Да и близнецы, я уверен, могут тебе понравиться. Батур говорил мне как-то, что считает тебя красивой.

— А я его нет.

Брат тяжело вздохнул и протянул мне руку, предлагая помощь.

Не то чтобы мне хотелось вставать — шкуры были мягкими и тёплыми, а голова кружилась, но символизм жеста был очевиден. Я приняла его руку и поднялась на ноги.

— Ты скотина, и я нескоро это тебе прощу. Но Сохору не выдам. Доволен?

— Нет, но большего сегодня я всё равно от тебя не добыю.

Брат ушёл, а я легла обратно на пол. Стащила с постели одеяло и завернулась в него по самую макушку.

С утра, едва я позавтракала, меня нашла Оюун.

— Ты нужна мне, — потребовала она тоном, не допускающим возражений. Я, в меру заинтересованная, пошла за ней. Оюун отвела меня в библиотеку и указала на расстеленную по столу карту.

«Город Слез», — поняла я с ходу, но поленилась думать дальше.

— Чего ты от меня хочешь? — спросила я.

— Мне нужно знать, где находятся все до единой «норы» в округе. Ты возьмёшь вот эту часть, — обвела она пальцем юго-восток пригорода, — город изучен хорошо, но дальше карта составлена небрежно. Теперь мне нужны детали. Справишься?

Я задумалась. Помочь Оюун было хорошим делом — она нравилась мне, да и расположение женщины Сохора не бывало лишним. Но разочаровывать её было опасно.

— Меня не учили работать с картой. Я рада буду помочь, но боюсь ошибиться и отметить «норы» неточно.

Теперь задумалась Оюун.

— Найди Уянгу, и пусть она подскажет тебе, что делать. Ты старательная. Остальные или хуже, или их уже занял Сохор.

Ну, я по крайней мере попыталась её предупредить.

Вряд ли это сняло бы с меня ответственность в случае её недовольства.

Моё настроение улучшилось после того, как я выслушала объяснения Уянгу. Я умела ориентироваться по солнцу, могла сосчитать число шагов, построить треугольник и вычислить его углы — хоть где-то пригодились книжки, что меня заставлял штудировать брат. Для начала этого должно было быть достаточно.

Перед тем как уйти, я написала записку Одвалу.

«Занимаюсь поручением Оюун — отмечаю на карте «норы». Начну от старых ворот и пойду строго на Юг. Вернусь ближе к ночи».

Наскоро собравшись, я побежала к указанной мне зоне. Поколебалась немного, но всё же решила идти кратчайшим путём — вдоль старой каменной дороги, крепкой и широкой.

Я редко бывала в этой части города. Как правило, мне просто нечего было здесь делать. Однако, когда я всё же оказывалась поблизости, то всегда старалась сделать крюк на восток — большая часть построек там сохранилась, что позволяло не идти на виду. В детстве, ещё до возвращения брата, я опасалась теневых тварей и искажённых животных. Последние годы в пределах города их уже извели, но теперь меня доставал Джархан. Вместе со стаей своих приятелей он частенько ошивался в районе здания, которое я называла «шпилом». Оюун говорила, что в прежние дни башню с высоченной остроконечной крышей каким-то образом использовали для магических изысканий. Я не знала как, но это объяснение было похоже на правду.

Иссиня-чёрный камень, изрисованный волнистыми узорами, был невероятно прочным. Две тысячи лет простоял без единой щербинки. Явно какая-то магия.

Встречи с Джарханом редко бывали приятными, но делать крюк — потратить лишний час.

Да и надеялась я, откровенно говоря, что мальчишку тоже припрягли заниматься хоть чем-то полезным. Сестру искать, не знаю.

Я торопливо шла между остовов домов — сгоревших, разрушенных или разобранных за прошлые годы. Квадратное строение, из которого торчала башня со шпилем, было единственным сохранившимся на сотни метров вокруг. Я старалась не смотреть на него, но всё равно смотрела. Невольно выискивала силуэты в окнах башни.

И нашла.

Отвернулась торопливо и прибавила шага, едва-едва не переходя на бег.

Конечно же, Джархан оказался никому не нужен. Маг, в Бездну его, а торчит в тылу, как будто заняться ему больше нечем.

Почуять мой страх с такого расстояния мальчишки не могли, но заметили наверняка. Спускаться, однако, не стали. Позволили пройти спокойно.

Ну хоть здесь повезло.

На выходе из города я нутром почувствовала взгляд в спину. Всё-таки пошли следом?

Грёбанный ублюдок.

Хотелось проверить свою догадку — топорно оглянуться или аккуратно сделать вид, что поднимаю что-то с земли, но ужасно не хотелось рисковать. Пока мальчишки идут следом, а не бегут за мной галопом — это нужно попытаться использовать.

Не оглядываясь и не ускоряя шага, я дошла до того места, где вместо чёрных остовов домов зеленели деревья. Каменная дорога здесь заканчивалась и начиналась растительность. Не такая буйная, как в десятке километров от города, но деревья в два-три моих роста уже встречались. И густые кусты тоже.

Я зашла за первый же поворот дороги и рванула в сторону со всей возможной скоростью.

Я не умела двигаться по лесу осторожно и скрытно, подобно оборотням или друидам. Но и шли за мной не опытные следопыты. Шансы сбежать и затеряться были вполне себе неплохими. Бегать за мной часами Джархан не станет — не настолько сильно я его раздражала. Отсижусь где-нибудь, пока мальчишке не надоест и пойду по своим делам. Не домой же возвращаться из-за этих малолетних кретинов.

Главное сделать что-то со своими эмоциями. По следам меня, может, и не найдут, а вот по шлейфу раздражения и страха могут. Сохор смог бы. Кадар — его сын от Оюун, возможно, сумеет тоже.

Я петляла, сосредоточившись на дыхании, пока сердце не начало стучать у самого горла. Затем нашла глазами поваленное дерево и распласталась за ним, надёжно укрывшись в высоких кустах черники.

Спустя десяток минут до меня донеслись отзвуки голосов и треск веток.

Преследователи в отличие от меня скрываться не пытались. Шумели и кричали преувеличенно громко. Пугали, надеясь учуять страх.

Я дышала глубоко и ровно, как учил меня брат. Три на вдох. Задержать дыхание. Три на выдох. Задержать дыхание. Три на вдох.

Когда в поле зрения показалась светлая макушка Джархана, я поняла, что спрятаться не вышло. Лежать было унижительно, а бежать — поздно. Я поднялась на ноги, постаралась выглядеть спокойной и независимой. Так, будто валялась здесь совершенно не из-за погони.

Компания сразу же направилась в мою сторону. Рядом с Джарханом шёл Кадар, чуть позади держались ещё трое мальчишек их возраста — местные дети, за радость считающие прибиться к сыну Властелина, пускай и ублюдку.

Навряд ли они вообще знали это слово.

— Сарано, — нехорошо прищурился Джархан, оказавшись в десятке шагов от меня. Кадар и ещё один мальчишка с волосами удивительно тёмными, встали чуть впереди. Прикрывают мага? Надо же, какие организованные. Выродки.

— Чего ты хочешь, ублюдок? — ответила я преувеличенно бодро. Мне не нравилось, что он назвал меня по имени. Без взрослых Джархан обращался ко мне только оскорбительными кличками, и такая вежливость была очень, очень подозрительной.

И мальчишки держались странно. Не окружили, как обычно, кольцом, не приготовились толкаться, пихаться, дёргать за волосы и щипать с весёлым улюлюканьем. Стояли сосредоточенные, будто готовились драться всерьёз.

Моё дыхание сбилось и запах моего страха разошелся вокруг. Я не отследила этого, но заметила, как приоткрылись губы Кадара. Когда сводный брат «принюхивался» он всегда распахивал рот, становясь похожим на скорбного умом.

А потом он на меня кинулся. От неожиданности я дёрнулась назад и ударила его по настоящему — с когтями, сформированными из тьмы. Простой приём, давно уже заученный мной до инстинктивного уровня.

Кадар подставил предплечье, но вызывать щиты так же быстро, как Одвал, не умел. Приглушил удар, но кровь на траву всё равно закапала.

Затем начался хаос. Мальчишки — их оказалось пятеро, кинулись как свора гончих. Джархан пугал меня больше всего — магом он был хорошим и убивать, как мне было известно, умел. Его темноволосый приятель казался потерянным и пах испугом — красной рябиной, подмёрзшей на первом зимнем морозе.

Тройка, не умеющая швырять заклинания, отшатывалась от меня, стоило мне лишь слегка замахнуться. Игры играми, но умереть или получить серьёзные раны эти трусы боялись.

И я тоже боялась. Я совершенно не понимала, с чего вдруг оказалась нарушена наша негласная договорённость ограничиваться щипками и тумаками.

Едва-едва увернувшись от тёмной кляксы, из ниоткуда возникшей у меня под ногами, я сломя голову побежала в лес.

Нужно было обогнать мальчишек. Оторваться и вернуться в город. Плевать, что скажет Оюун, плевать, побьёт ли. Почему-то мне казалось, что попасть в руки Джархану в любом случае будет хуже.

К счастью, использовать заклинания ублюдку было тяжело — вначале его собственные приятели рисковали попасть под удар, а затем меня начали скрывать деревья и кусты. Я сумела оторваться, набрала дистанцию — и сбоку в меня врезался мелкий юркий мальчишка.

Их всё-таки было шесть.

Мы покатались по земле, и к тому моменту, когда я сумела от него отделаться, в меня уже вцепился Кадар. Следом мои ноги подкосились — икры свело вначале холодом, а потом сильнейшими судорогами. Я заорала и упала на землю, а сводный брат сел на меня сверху.

Спустя минуту суеты я осознала: сопротивление бессмысленно. Я обмякла и перестала бороться. Сосредоточилась, выжидая момент.

— Подними её, — ударил по ушам высокий голос Джархана, с трудом заглушая болезненное хныканье побитого мной мальчишки.

Меня поставили на ноги, заломив за спиной руки. Ноги не держали — следствие тёмного заклинания никак не хотело полностью проходить. Икры подрагивали, и я, по сути, висела на плечах и одежде.

Было больно.

Я терпела, не пытаясь даже встать на ноги. Сделаю это тогда, когда появится шанс вырваться. Не стоит отказываться от эффекта неожиданности.

Ублюдок ударил меня в живот. Затем в солнечное сплетение. Дыхание перехватило и в глазах потемнело, но голос Джархана я слышала даже сквозь этот полубоморочный морок.

— Это ты всё им рассказала? Ты со своим папашей, чтоб ему в Бездну провалиться?!

Я закашлялась, но кашель сразу же перерос в лающий смех. Вот оно что!

Знал бы ты, ублюдок слабоумный, насколько сильно ты ошибаешься...

— Отвечай, дрянь! — прилетел мне ещё один удар в живот. Я застонала в голос и качнулась вперёд, головой почти ударившись в грудь Джархану. Меня вздёрнули обратно. Онемение в ногах, кажется, начинало проходить.

Даже желай я рассказать Джархану об отношениях брата и Цаагала, я совершенно точно не могла сделать этого при Кадаре. Ублюдок может быть и верил, что сын Сохора на его стороне, а вот я — нет. Да и остальная четвёрка доверия не внушала. Какой нелепый, нелепый фарс!

— Ты бредишь, ублюдок.

— Да? — схватил Джархан меня за волосы и зашептал жарко, — думаешь, я не заметил, как ты прокрадывалась в лагерь? Как сбегала из него лесом, неумело скрываясь в тенях? Что ты вынюхивала? Зачем пряталась? Кому докладывала?

Я открыла рот для ответа, но снова закашлялась.

Мне прилетела звонкая пощёчина.

Всё это ужасно злило.

— Если ты, — удержалась я от грубого эпитета, — пытаешься вести допрос, то будь добр давать мне отвечать!

Вместо ответа он ударил меня ещё раз по другой щеке. Затем снова в солнечное сплетение.

В голову пришёл только один выход, и я завизжала торопливо:

— Хорошо твою взяла! Но всё, что я знаю, я расскажу Властелину.

— Нет, — перебил он. — Сначала мне. А уж я решу, достойно ли это ушей отца.

В глазах Джархана появилось новое выражение, а в голосе новая интонация.

Удовлетворение. Радость. Самодовольство.

Положительные эмоции не имели «вкуса». Зная запах злости, я понятия не имела, как ощущается на языке чужая радость.

Я закашляла снова, теперь уже фальшиво. Задёргалась, будто случайно. Мучители опустили меня на колени, устав держать на весу. Их хватка ослабла на мгновение.

Я дёрнулась вперёд, заваливаясь между ног Джархана. Кадар и его приятель выпустили мои руки. Я незамедлительно пустила их в ход, ударяя когтями по икре ублюдка. Тот заорал. На моё тело посыпались удары ногами, но рванув вперёд, я сумела ускользнуть от цепких рук.

Джархан отскочил в сторону, ладонью зажимая рану. Стоящий рядом темноволосый мальчишка ничего не делал, только смотрел с ужасом. Вот уже кого в бой прежде явно не брали.

Через несколько метров я поднялась на ноги. Отмахнулась когтями от идиота, оказавшегося слишком близко. Остальные, напуганные свежей кровью, кинуться на меня не решились.

В спину прилетело заклинание — морозное, резкое и болезненное, словно между лопаток ударило плетью, но плеть была ещё и сверхъестественно ледяной. Сама не знаю, как я удержалась на ногах.

И побежала.

Всерьёз оторваться у меня не выходило — ноги держали, но были слабы. Джархан, к счастью, не мог поддерживать даже такой скорости. Со свежей раной ублюдок плёлся где-то позади, а его детская свита опасалась бросаться на меня без понукания лидера. Трёх я уже ранила, никто не желал становиться четвёртым.

Направление на Город Слёз я потеряла. Деревья были достаточно густыми, чтобы скрыть от меня шпиль. Я не понимала, куда бежать, и не хотела думать о том, как скоро мальчишки осмелятся на меня наброситься.

И что со мной сделают после этого.

Впереди я почуяла тьму. Словно осквернённая земля, но не столь сильная, не столь яркая. Так и ощущались «норы». Маги вроде Джархана могли улавливать их с большого расстояния, бездари вроде меня — с меньшего, но каждый, в чьих жилах текла кровь демонов, чувствовал их так или иначе.

Я побежала к «норе». Пускай меня выкинет в неизвестной точке, там хотя бы не будет ублюдка, истово желающего пытками выбить из меня угодную ему правду.

Самая далёкая известная мне «нора» была в сотне километров от Города Слёз, но большая часть находилась в его окрестностях. Немного воды и еды у меня есть, по солнцу сориентируюсь.

Разберусь как-нибудь.

Всё лучше, чем здесь.

Выбрав цель, я кинулась к ней с удвоенной скоростью.

— Да схватите её уже! — заорал откуда-то издали Джархан, не то тоже почуявший «нору», не то просто уставший от трусости своих приятелей.

Мальчишки ускорились и попробовали на бегу окружить меня с трёх сторон, но «нора» была слишком близко. Последним рывком я увернулась от хватающих меня рук и нырнула в непроглядную темноту, как рыбка в воду.

Внутри было ужасно холодно.

Глава 5

Само собой, я проваливалась в «норы» и прежде. Какой ребёнок не делал этого, не глядя на все запреты взрослых?

Вначале тебя окатывало холодом, будто мокало в ледяную воду, но вода холодила только кожу, а тьма разом замораживала всё нутро. Глаза видели что-то, но разум не способен был осознать, что именно. Мир вокруг был равно тёмным, но одна тьма казалась тьмой, а другая почти светом. Из-под ног расходились сотни дорожек, но при попытке наступить на любую из них, ты разом проваливался в другую. Тело чувствовало себя так, будто его размазало по пространству ровным слоем — одновременно огромным и совершенно ничтожным.

И ужасно холодным.

Я вдохнула. По ощущениям это было словно глотать очень, очень сладкий дым. Я пыталась найти что-нибудь яркое — яркими внутри «норы» казались выходы.

В первый раз, когда я провалилась сюда, выходов было много. Помнится, я выбрала один из них, но оказалась почему-то у другого. Сейчас вокруг меня был лишь один сплошной мрак.

Это слегка пугало. Мне не доводилось слышать прежде ни о ком, кто навсегда затерялся бы в «норе», но я знала, случаи, когда ушедшие в них не возвращались. Их исчезновение приписывали очевидным причинам — диким зверям или тварям Бездны, оказавшимся у другого выхода.

А если они всё же умирали здесь?

Впереди забрезжил свет. Я попыталась «побежать» к нему, но, не чувствуя ног и не контролируя своё положение в пространстве, я неожиданно оказалась на ровной, удивительно яркой дорожке. Я почти кожей почувствовала исходящее от неё тепло.

Если это не было хорошим выходом, то я даже не знаю, что должно было им называться.

Самое удивительное, что у меня получилось двигаться по этому странному пути. И он вёл к золотистому пятну. Я выпала в реальный мир и с удовольствием вдохнула воздух, насыщенный лесными запахами.

Я стояла на четвереньках и не спешила подниматься — приходила в себя после нежеланного путешествия. Прислушивалась к избитому телу.

Зубы были целы. Слегка кровила губа, ничего такого, о чём стоило бы переживать.

Ныли икры. Болел живот, но, в принципе, тоже терпимо. А вот плечевые суставы крутило нещадно. Правую руку я, похоже, повредила, возясь на земле с шестым мальчишкой. Тянуло всю — от плеча до запястья.

И общая слабость, конечно же. После прошлого своего путешествия через «нору» я сильно простыла и несколько дней не вставала с постели. Сейчас ощущения были вроде бы послабее, но шея и поясница уже ныли — как и всегда бывало у меня в начале болезни.

Я позволила себе всхлипнуть. Раз, два, три. Всё на этом. Достаточно ныть. Мне нужно вернуться домой прежде, чем я окончательно расклеюсь.

Я глубоко вдохнула и резко, сквозь зубы выдохнула. Поднялась на ноги, оглянулась с лёгкой тоской. Меня окружал лес, сплошной и непроглядный. Крона деревьев была густой и пышной, но небо за ней всё же проглядывалось.

Рядом с Городом Слез растения чувствовали себя не очень хорошо. Я абсолютно точно была вдали от дома, вопрос лишь в том, насколько и с какой стороны.

Хорошей идеей показалось мне забраться на дерево — возможно, оказавшись выше, я увижу крышу какого-нибудь здания. К сожалению, от этой мысли пришлось отказаться — с ноющими плечами и болью в руке я не чувствовала себя способной никуда вскарабкаться. А потом ещё и спуститься... Точно нет.

Паршивым было то, что я понятия не имела, где нахожусь относительно города. Сориентироваться по сторонам света было несложно, но вот куда идти после этого?

Подумав немного, я пошла на запад. Река, отделявшая нас от людей, была на востоке. Даже если я западнее Города Слёз, я хотя бы не буду приближаться к чужой армии. Встречу же я кого-нибудь рано или поздно?

Я кинула последний взгляд на «нору», окончательно отказываясь от идеи снова шагнуть в нее. Как не манил бы меня шанс вывалиться посреди Города Слёз, но страх снова оказаться непонятно где был сильнее. Еще прыжок-два и с идеей идти куда-нибудь на своих ногах можно будет попрощаться. Упаду и не встану. А это точно смерть.

Меня не учили на следопытку, но вскоре даже я стала замечать чужое присутствие. Сломанные ветки, срубленные сухие деревья.

Это могли быть свои. А могли быть и захватчики.

Я пошла осторожнее. Мне ужасно не хотелось несколько дней, а то и добрую неделю бродить по лесу в одиночку. Стоило проверить, могу ли я найти помощь у тех, кто рубил здесь деревья.

Спустя две минуты до меня стали доноситься отзвуки голосов и металлический лязг. Разобрать слов пока не выходило, и я пошла вперед.

Странно, но я почувствовала себя спокойнее. Будто сам факт речи, общения и разговоров каким-то образом гарантировал мне безопасность. Будто только наши союзники умели чесать языками.

Это оказалось не так, но заметила угрозу я слишком поздно.

Удар прилетел в спину. Высокий мужчина, крупнее меня в несколько раз, врезался в меня плечом, с силой вжимая в ближайшее дерево. Я сама не поняла, как умудрилась его не заметить. В любом случае это было неважно. Я завертелась ужом, на мгновение вырываясь и бросаясь в сторону. Мужчина ухватил меня за руку, а я, вместо того, чтобы ударить его когтями, завопила от боли и упала на подогнувшихся ногах. Правую руку, и без того измученную, словно раскалённым прутом пронзило, а тело решительно заявило, что с него довольно.

Прежде чем я успела подняться на ноги, мужчина уже сжал меня в тисках.

Я вскрикнула от резкой боли в руке, да и рёбрам тоже резко поплохело. В глазах потемнело на мгновение, но просто упасть на землю мне, само собой, не позволили.

Заламывать руки за спину нападавший не стал, потащил так, через шаг пиная меня ногами по голеним и пяткам. Свои шансы освободиться оценивала я, мягко говоря, невысоко.

«До чего же унизительно», — подумалось мне. Не страшно — ни смерти, ни боли я не боялась, но тошно и мерзко, будто съела что-то не то.

«Потому что идиотка, которую били мало» — часто ругался брат на моё бесстрашие.

Возможно, он был прав. В любом случае сейчас я думала лишь о том, как презрительно будет смотреть на меня Оюун, разочарованно Сохор и снисходительно — жалостливо, лишь самую малость зло — брат.

Если мы увидимся ещё когда-нибудь.

Я обмякла, перестав дёргаться. Всё равно ведь не вырвусь. Лучше расслабиться и наблюдать внимательно в ожидании шанса.

На небольшой поляне стояло четыре крупные палатки. Рядом с ними возились люди. Одиннадцать человек, исключая поймавшего меня. Складывали вещи, собирались в дорогу. Повезло мне, ничего не скажешь. Ещё полчаса и сумели бы разминуться.

Один из людей — невысокий и почти полностью седой мужчина, подскочил на ноги, подошёл ближе и спросил напряжённо:

— Одна?

Мои предыдущие старания в учёбе оказались не напрасными — людскую речь я понимала.

— Я других не видел, — ответил мужчина, всё ещё меня удерживающий, — да и эта на лазутчицу непохожа. Случайно, может?

— Далеко до их города, чтобы бродить здесь случайно.

Я отстранённо порадовалась, что почти не сопротивлялась пленению. Если меня будут считать бесполезной и слабой, то сбежать будет проще.

Седой потянулся пальцами к моему подбородку и заставил поднять голову.

Я с трудом удержалась от того, чтобы его не укусить.

— Какие глаза, — протянул задумчиво седовласый, — ненавижу их ледяные глаза. Лорд Ломмаре! — крикнул он во всё горло, заставив меня невольно сжаться.

Зато пальцы с подбородка убрал. Я опустила голову, но продолжила шарить глазами по лагерю. Сейчас все взгляды сосредоточились на мне. Едва заметно пахло облепихой — насто-роженностью. Очень слабо. Опасной меня не считали.

«Тем лучше для побега» — подумалось мне.

Ещё лучше, если кто-то из солдат сочтёт меня привлекательной. Мужчины часто увлекались процессом. Пускай он будет один и пусть руке станет получше — тогда у меня появятся шансы освободиться.

От группы солдат, складывающих палатку, отделился юноша, минимум вдвое младше седовласого. У него были тёмные, почти чёрные волосы, заплетённые в тонкую косу до лопаток, загорелая кожа, узкие губы, но большие, каре-зелёные глаза. Симпатичное лицо — тонкое и гармоничное, интуитивно приятное, разве что самую малость слишком мягкое. Телосложение юноши было худощавым, а движения скупыми. Не экономными, будто у зверя, просчитывающего каждый шаг. Скорее напряженно-сдержанными, как у человека, кто боялся выдать лишнее взмахом руки или разворотом плеч.

С лёгким раздражением и таким же лёгким любопытством «лорд» — я знала, что так люди обращались к членам богатых и могущественных семей, — подошёл ближе.

— Откуда? — спросил он коротко.

— К лагерю кралась, — ответил удерживающий меня дозорный.

Темноволосый юноша посмотрел на меня внимательнее и протянул со странным выражением, самую малость отдающим спелой чёрной рябиной.

— Это же совсем ещё ребёнок...

— Будто первый раз детей на войне видите, — фыркнул седоволосый.

Вкус рябины на языке стал насыщеннее. Забавно. Очень забавно, почему упоминание детей «лорда» огорчило.

Не в наших порядках было прятать своих отпрысков в тылу. Дети должны были быть с родителями. Смотреть, запоминать, учиться. Малышей, само собой, не пускали в бой, но позволяли помогать взрослым по мере сил. А вот в двенадцать-тринадцать самое время было пролить первую кровь.

Я всегда злилась на брата за то, что этой части взросления он меня лишил.

— Не первый, — согласился огорчённый юноша и потянулся к моей груди. Я не стала дёргаться и позволила ему положить ладонь мне на солнечное сплетение.

Ладонь была горячее. Жар обжигал меня даже сквозь несколько слоёв одежды, что явно говорило о магической его природе. Я прикусила губу, но продолжила стоять ровно. Через несколько минут юноша убрал руку и сказал устало.

— Она выпала из портала. Как магичка не стоит ровным счётом ничего. Берём с собой, потом разберёмся, нужна ли она своим.

— Как прикажете, — согласился седовласый. Я подняла глаза, пристально разглядывая темноволосого. Он здесь, выходит, главный? Такой молодой?

Юноша поймал мой взгляд и улыбнулся слегка вымученно.

— Понимаешь меня?

Я молча продолжала его разглядывать. Подслушивать не предназначенные для меня разговоры наверняка было выгоднее, чем вести беседы. Не говоря уж о том, что если у людей не окажется переводчика, то они явно не станут пытаться меня допрашивать. Что-нибудь полезное, приложив достаточно усилий, можно было выбить даже из «ребёнка».

Зачем мне лишние проблемы?

— Моё имя Рикардо. Рикардо Ломмаре, — продолжал он. Не дождавшись реакции, молодой командир указал себе на грудь несколько раз, — Рикардо. Рик. Моё имя — Рик, — говорил он со мной словно с исключительно тупой трёхлеткой. Я кивнула, решив, что такое представление можно понять и без знания языка.

— Сарано.

Рикардо широко улыбнулся и жестом указал отпустить меня. Дозорный выполнил приказ, но не стал отходить далеко, оставшись в шаге позади. Рикардо положил ладонь мне на правое плечо. Я напряглась, но дёргаться не стала.

— Не бойся, всё хорошо. Ничего не бойся. Сейчас всё будет хорошо, — говорил Рикардо мягко и ласково, полагаясь скорее на успокаивающую интонацию, нежели на смысл слов.

Руку начало жечь. Жар был и болезненным, и странно-приятным. Слово вода из подземного источника, куда ты опускаешься замёрзшая и побитая. Слишком горячая вода, но всё равно расслабляющая. И боль в руке постепенно стала утихать.

Я попыталась расслабиться. Пару минут жара можно и потерпеть.

— Не бойся... — продолжал успокаивать меня Рикардо. Я закрыла глаза, представляя, будто нахожусь не в лагере врага, а в купальнях дворца Сохора.

Когда жар прекратился, я распахнула глаза и уставилась недовольно на молодого командира. Он забавно фыркнул и положил ладони на вторую мою руку. Затем на грудь. На живот.

Я пошатнулась, только сейчас заметив, что умудрилась сильно вспотеть. И начать дрожать. Да и вообще как-то меня лихорадило...

Рикардо взял в свои руки мои запястья. Я распахнула глаза, глядя на него с тенью испуга. Мне должно быть так плохо из-за его целительства?

Руки обожгло резкой болью, и я дёрнулась от неожиданности. Со спины меня снова обхватил мой первый пленитель. Я задёргалась и забрыкалась ногам, слегка пнула не успевшего отскочить Рикардо.

— Сарано! — повысил он голос, привлекая мое внимание. Затем снова заговорил успокаивающе и мягко, — не бойся, не бойся, всё хорошо.

Я расслабилась, обратив внимание на свои руки. Они не болели больше, но развести их не вышло. Запястья связывала между собой тонкая мерцающая лента цвета красного золота. Она была теплой. Несколько раз обёрнутая восьмёркой, она заметно ограничивала мои движения.

Эксперименты я решила оставить на потом.

— Пусть сидит со второй. Изан, отведи, — обращаясь уже не ко мне, приказал Рикардо. Позади, за одной из палаток, лежала на земле Чамдо — пропавшая дочка Властелина.

Какая же я везучая...

Девчонка встрепенулась и подняла голову, когда на неё упала моя тень. Посмотрела удивлённо.

— Сарано?

Я поразились, что Чамдо не привязана. Её руки опутывала такая же сияющая нить, какая была на моих, но другой магии — или других пут — я не видела.

На губах сама собой начала расцветать презрительная усмешка, но я сумела удержать её и растянуть губы относительно дружелюбно. Хотя запахло от меня наверняка черёмухой.

Но в Чамдо так много человека, что она этого может и не разобрать.

Солдат смотрел на меня с лёгким сомнением, а пах малиной и кровью. Колебался — остаться следить за нами, или пойти помогать своим собирать лагерь?

— Дёрнитесь к лесу, — обратился он к Чамдо, — завяжу на шеях верёвки и проволоку как дурных собак. Ясно? Чамдо торопливо подтвердила.

Нельзя сказать, что мы остались одни — солдаты работали буквально в трёх шагах от нас. Но хоть над душой не стояли. Я опустилась на землю вплотную к Чамдо. Та мгновенно прижалась к моей груди, уткнулась носом в шею,дохнула на меня страхом и расстройством с дымными нотками — оттенками отчаяния.

К моему презрению — какая слабая, какая бесполезная девчонка — добавилась растерянность и что-то странное, приятное и гадливое разом. Не сочувствие и не желание позаботиться, но что-то отдалённо на них похожее. Что-то теплое, но не ассоциирующееся ни с чем хорошим.

Я тяжело вздохнула и взяла в свои руки ладошки властелиновой дочери.

Как с ней вообще разговаривать?

Отношений с Чамдо у нас не было ни хороших, ни плохих. Она была на два года младше Джархана, отличалась мягкостью и трусостью. Мне никогда не было интересно почему, но её мать всё ещё оставалась жива. Цаагал давно уже не спал с ней, но всё ещё относился неплохо. Держал при себе, позволял учить и оберегать дочь. Женщина явно перестаралась с нежностью своего воспитания.

Забавно, но из всех своих сестёр и братьев Джархан только к Чамдо относился действительно хорошо. Помнится, даже дрался с кем-то, кто над мелкой издевался.

— Эти люди похитили тебя? — решила я попробовать без лишних сантиментов.

Чамдо дёрнула головой. Кивнула, вероятно.

— Как они прошли сквозь «нору»? Почему выжили?

Властелинова дочка ответила мне в шею — неразборчиво и тихо.

— Они хором кричали что-то на незнакомом мне языке и светились золотом.

— Кто-нибудь из них знает нашу речь?

— Нет, — вначале выпалила Чамдо и лишь потом задумалась, — наверное. Не знаю. Мать учила меня своей родной речи. Я говорила с ними на их языке. Они на нашем — нет. Ты ведь тоже учила их язык?

Я покачала головой и сказала с притворным сожалением:

— Пыталась, но почти ничего не понимаю. Будешь переводить мне?

— Конечно, — отстранилась Чамдо, но мои пальцы сжала только сильнее. Я видела, что у неё есть вопросы, и кивнула, мол, конечно, спрашивай.

— Ты как оказалась здесь?

Очевидный вопрос. Пришлось снова врать.

— Собирала в лесу травы, но наткнулась на зверей. Решила, что в «норе» получше, чем в пасти.

Ни подозрениями, ни сомнениями от Чамдо не пахло. Какая дурочка.

— Знаешь, что они планируют делать дальше? — спросила я.

— Поменять нас на своих, что в плену у отца. Они решили, что если я его дочь, то стою дорого.

— Не говори им, чья я дочь, — приказала я, — будут спрашивать, отвечай, что сирота, которую Сохор приютил по милости.

Чамдо кивнула и запахла разочарованием. Его вкус напоминал чёрную рябину, но был немного слаще.

Девчонка успела понадеяться, что её пришли спасать?

На миг мне даже обидно стало, что выручить ее за пределами моих сил. Хотелось в кое-то веке почувствовать себя хоть на что-то способной.

Я тяжело вздохнула.

— Мне явно влетит от Оюун, — протянула я с фальшивым весельем. Будто бы это худшее, что могло ожидать меня впереди.

Чамдо растянула губы в подобии улыбки. Будто бы мне поверила.

Глава 6

Пока солдаты собирали лагерь, я задумчиво дёргала руками, проверяя магические путы. Если натягивать их, то они начинали нагреваться. Тепло становилось жаром, вначале терпимым, а затем всё более и более болезненным. Использовать магию не выходило, даже когти удлинить, и то не получалось.

Какое-то время Чамдо молча наблюдала за моими исследованиями.

— Рикардо — жрец светлых богов, — наконец, пояснила она, — это их магия. Она работает на нашу кровь. На твою должна работать сильнее, чем на мою. Если не сопротивляться, то не больно. А если рвать слишком сильно, то могут остаться ожоги. Он так сказал.

Я как раз осматривала свои запястья. Кожа была алой и продолжала гореть даже после того, как я расслабила руки.

Чамдо сжала мои ладони в своих и заглянула в глаза просяще:

— Не надо. У тебя ничего не выйдет, только больно себе делаешь. Давай просто подождём, пока они договорятся с нашими отцами.

Я поморщилась, но дёргать путы перестала.

— Они могут знать наш язык. Не говори лишнего.

Властелинова дочка пристыженно замолчала.

Не прошло и получаса, как люди собрались в дорогу. Уже знакомый мне седовласый мужчина — Изан, приказал нам подняться на ноги. Я дождалась, пока встанет Чамдо: старательно изображала, что не понимаю ни слова.

— Кто она? Стоит хоть чего-то? — спросил Изан у Чамдо, жестом указывая, куда мы должны идти.

Властелинова дочка замялась и кинула на меня нерешительный взгляд. Я с удивлением поняла, что Чамдо не хотела врать. Она не пахла страхом, ей просто не нравилось.

К счастью, моё лицо вселило в неё достаточно уверенности.

— Она воспитывалась при Сохоре. Ни её отца, ни матери я не знаю. Сирота или подкидыш.

Изан негромко ругнулся, без особой, впрочем, досады. Кажется, он и не рассчитывал, что я окажусь ценной.

Мы двинулись.

Нас с Чамдо пытались держать впереди, но меня такой расклад не устраивал. Рядом с властелиновой дочкой, неплохо знающей человеческую речь, люди явно не станут чесать языками. Мне нужно было узнать больше. А, значит, мне нужно было идти подальше от Чамдо.

То и дело спотыкаясь, тормозя и отставая, я порядком взбесила приглядывающего за нами Изана. Вначале он бранил меня, затем толкал или дёргал вперёд, вкладывая в рывки всё больше и больше силы. Когда от очередной оплеухи я распласталась по земле, к нам подошёл возмущённый Рикардо. Возмущение, по вкусу напоминающее чернику, накрыло меня плотным облаком.

Я вдохнула его полной грудью, даже губы слегка разомкнула.

Вкусно.

— Ты можешь с ней мягче? — повысил голос жрец.

— Она не идёт нормально, — без тени раскаяния ответил ему Изан.

Рикардо глубоко вдохнул, с заметным усилием беря себя в руки. К Чамдо он обратился ровно и натянуто. Изображая дружелюбие.

— С ней всё хорошо?

Властелинова дочка пожала плечами, посмотрела на меня и неловко, спросила: не болят ли мне ноги, не кружится ли голова? Я молча помотала головой, не спеша подниматься на ноги. Чамдо передала с небольшой задержкой.

— С ней всё нормально.

Рикардо ответ не устроил. Подойдя вплотную ко мне, жрец протянул руку, будто хотел помочь подняться. Я посмотрела на него с откровенным скепсисом. Под смешки солдат Рикардо опустился на корточки и взял меня за запястье, придержал за плечо, почти силой вздёргивая на ноги.

Затем снова обратился к Чамдо.

— Пускай скажет, если у нее что-то болит. Хорошо?

Чамдо перевела, и я кивнула, глядя Рикардо в глаза. Цветом они напоминали мох на старом трухлявом пне.

— Она нам даже не нужна, — закатил Изан глаза за его спиной.

Мне стоило огромного труда не оскалиться на этот голос, не выдать своего понимания.

— Это не повод издеваться над ребёнком, — сказал Рикардо к явному недовольству нескольких ближайших к нему солдат. От них не пахло ненавистью, скорее уж тусклым раздражением.

— Так, может, то, что они с человеческими детьми делали — повод? — с едва заметной язвительностью ответил ему Изанн.

Забавно, как изменилось его лицо, стоило Рикардо обернуться. Стало сдержаннее, но мрачнее.

«Субординация» — смутно вспомнила слово, каким люди называли банальное нежелание злить сильнейшего. Рикардо вздохнул тяжело и выпустил мои руки.

— Праведный Король учит вести себя достойно даже со злейшими врагами, а Светлая Королева велит не наказывать детей за ошибки отцов. Или в Эсвусе светлая церковь проповедует иное?

Бормотание Изана я не разобрала, но, подозреваю, что это были обычные ругательства. В голос же он ответил:

— Лорд Ломмаре, на руках я её не понесу. Пусть идёт нормально, раз уж сама говорит, что может.

— Следи за второй, — устало ответил Рикардо, — я сам буду присматривать за Сарано.

«Час от часу не легче», — расстроилась я. Навряд ли солдаты будут свободно болтать при своём командире. Так, в общем-то, и вышло. Я отстала от Чамдо, плелась в арьергарде маленького отряда, но ничего полезного так и не услышала. Жрец болтал время от времени — шутил или нёс в меру подбадривающую чушь. Солдаты трепались о еде, погоде и других столь же тривиальных вещах.

Вначале я злилась, но быстро устала и скатилась в странную меланхолию. Звуки стали отчётливее, но при этом скучнее. Цвета бледнее. В мышцах поселилась не то чтобы усталость, скорее что-то вроде голодной вялости. Будто тело, которому не хватает энергии, всеми силами её экономило.

Вскоре мои ноги начали заплетаться безо всякого притворства.

Я догадалась, что мы всё дальше и дальше отходим от Города Слёз с его особенной энергетикой. Вдали от неё я чувствовала себя заметно хуже.

Мне, наконец, стало страшно, но мой страх был таким же тусклым, как и все остальные эмоции.

Когда нам с Чамдо позволили сесть для отдыха, я спросила у неё сухо:

— Как ты?

Властелинова дочка выглядела очевидно уставшей. Её ответ на самом-то деле был мне совершенно безразличен, но и сидеть рядом в тишине казалось странным.

Голос Чамдо был преувеличенно бодрым.

— Немного устала, но это мелочи. Я думаю, что отец уже ищет нас. Это скоро закончится. Я не стала с ней спорить. Пусть лучше бодрится, чем хнычет.

Вскоре нас снова подняли на ноги. Рикардо стал следить за мной менее тщательно и всё чаще отходил в голову группы, перекинуться парой слов с Изаном. Солдаты быстро начали отпускать едкие шутки ему вслед. Сосредоточившись на чужой речи, я, наконец, узнала, почему управляет отрядом молодой жрец.

Изначальный командир отряда погиб в лагере Цаагала, как и первый его заместитель. По правилам налётчиков при гибели непосредственного командования во главе становился кто-то от светлой церкви.

Вне зависимости от того, насколько был к тому готов представитель этой самой церкви.

Солдаты, похоже, невысокого мнения были о лидерстве Рикардо, куда больше уважая седовласого Изана. Но жрецу почему-то подчинялись.

«А я убила бы мальчишку и бросила в ближайших кустах», — подумалось мне. Уверена, что большая часть наших сделали бы так же.

Разбили лагерь люди задолго до заката. Еды у них с собой почти не было — дробленое зерно на два дня, большую часть из которого уже съели. Охотники подстрелили пару птиц, зайца и даже змею какую-то приволокли. Скинули все в котёл, добавили немного крупы и трав. Похлёбка вышла жидкой. Мои скудные припасы — хлеб, сыр и сушёные ягоды разошлись по рукам, не дойдя до нас с Чамдо.

После ужина нам с властелиновой дочкой выделили палатку. Я поразилась невероятной любезности и такой же невероятной глупости.

Лента на запястьях ограничивала мои и без того невысокие возможности в магии, но бегать-то она мне не мешала. Люди же спят по ночам, верно? И в темноте видят не очень хорошо. Ускользну как-нибудь. Найду ближайшую «нору», попытаюсь оказаться поближе к городу. Там Уянгу разберётся, как снять эту дрянь.

Чамдо заметно насторожилась, видя, как я прислушиваюсь у входа в палатку.

— Ты же не собираешься бежать?

Я замялась, лишь сейчас задумавшись, что делать с девчонкой. Брать с собой? А если она будет мешать мне? Наверняка ведь будет. Оставить здесь?

Неловко как-то. Почти жалко.

С другой стороны, не из-за меня она здесь оказалась. Я ни в чём не виновата и имею право спасать лишь себя. Особенно в ситуации, когда об обоих позаботиться не могу.

— Нужно попробовать.

— Я побегу с тобой, — с удивительной твёрдостью сказала Чамдо. Я досадливо зашипела.

— Ты умеешь ходить по лесу? Быстро бегать? Не боишься прыгнуть в «нору» если будет нужно?

Чамдо покачала головой, но сказала упрямо.

— Я всё равно побегу с тобой или мы останемся здесь обе. Меня побить могут за твой побег.

— За руки меня хватать будешь? — фыркнула я. Девочка улыбнулась мерзко.

— Я начну кричать, как только ты ускользнёшь. Тебя поймают, накажут и привяжут на верёвку, но сбежать ты всё равно не сбежишь.

Я смотрела на неё неверяще. Следующие слова сорвались с моего языка, прежде чем я успела обдумать их.

— Когда мы вернёмся домой, я подкараулю тебя в тёмном углу и изуродую твою мордашку так, что мать родная с отвращением смотреть будет.

— Я брату на тебя пожалуюсь!

— Нет твоим братьям дела до человеческого ублюдка, — зашипела я, совершенно забывшись.

Чамдо ответила зло. Вкус кислого молока — один в один как у её мерзкого братца — возник у меня на языке:

— Джархану есть!

— Нет! Ты здесь, а он развлекается со своей свитой и камни с крыши шпиля швыряет. Было бы ему до тебя дело, он хоть немного беспокоился бы.

— Да что ты вообще о нём знаешь! — кислота и полынный чай наполнили палатку. Сочетание было удивительно «невкусным», но искренне меня порадовало. Едкий ответ, болезненный и хлёсткий, уже пришёл мне в голову, но распахнувшийся полог палатки прервал наш спор.

Внутрь заглянул улыбающийся жрец.

Я чувала его разочарование, его настороженность и усталость, но лицом и тоном Рикардо был само дружелюбие.

— Как вы? — спросил он заботливо.

Я проглотила свой яд, с трудом справляясь со злостью. Властелиновой дочке хотелось расцарапать лицо или хотя бы до слёз довести. А здесь жрец со своими дурацкими вопросами.

Чамдо посмотрела на меня и улыбнулась с тенью превосходства. Я продолжала делать вид, что почти не знаю языка людей.

— Я хотела бы быть дома, — по-детски жалостливо ответила она жрецу.

Рикардо фыркнул и пролез внутрь. Сел на пол, закрепив полог так, чтобы внутрь проник свет костра. Люди плохо видят в темноте. Ничтожества.

— Полностью разделяю твоё желание.

Повисло молчание. Неловко помявшись, жрец продолжил:

— У нас в это время зреет мушмула. Знаете такое растение?

Чамдо покачала головой, а я легла на бок, делая вид, что беседа меня не интересует. Рикардо, к моему удивлению, попросил властелинову дочку переводить мне. Та обернулась с видимым неудовольствием.

— Он рассказывает про свой дом.

— Мне неинтересно.

Жрец, услышав ответ Чамдо, запах чёрной рябиной и чаем с мелиссой.

Это было приятно.

Непонятно, но приятно.

Беспокоить меня снова он не стал. Болтал с Чамдо ещё минут пятнадцать — рассказывал о фруктах, ягодах и цветах своей родины. Будто развлечь пытался, развеселить. Чамдо улыбалась, изображая примерную девочку.

Когда жрец вышел и закрыл палатку с той стороны, она сказала мне с глухим раздражением.

— Мама тоже рассказывала мне о родине. Не очень много, но рассказывала.

— И что? — неохотно спросила я. Говорить с мерзавкой не хотелось, но любопытство оказалось сильнее.

— Ничего хорошего. С отцом ей лучше. Никогда, ни разу в жизни мама не хотела домой.

Я фыркнула, недовольная отсутствием деталей. Что делали там с её матерью? В чём обижали? Не рассказала ведь ничего толком!

Переспрашивать я, однако, не стала — больно много чести для мелкой паршивки.

Чамдо легла на бок и подползла ко мне, обнимая со спины. Я задёргала плечами, пытаюсь оттолкнуть её, но она вцепилась словно клещ. Забормотала мне на ухо с той же жалостливостью, какую демонстрировала жрецу.

— Сарано, не вредничай. Обе здесь застряли, обеим ни плаща не дали, ни одеяла. Что мы мёрзнуть будем? Не злись. Я же не хотела тебя обидеть. Я боюсь оставаться одна. Не бросай меня здесь. Отец заберёт нас. Ты сама говорила, что всё будет хорошо. Давай посним.

Я замерла, унимая раздражение. Лёгкость, с которой меняла тон малолетняя дрянь, не могла не восхищать. Особенно в свете того, что делала она это совершенно искренне.

«Мозгов, как у мыши» — злилась я, но прижималась теснее. Ночи были прохладными, а властелинова дочка — горячей. В её словах был смысл.

А ещё мне хотелось, чтобы она заснула поскорее.

Вскоре Чамдо начала проваливаться в сон. Дыхание, щекочущее мою шею, стало тише и медленнее. Я полежала ещё немного, убеждаясь, что девчонка спит глубоко и крепко.

А затем высвободилась из её рук.

Демоны, как рассказывала Оюун, не спали вовсе. Их потомки — да, но тем меньше, чем больше в их жилах было демонической крови. Чамдо — почти человек, нуждалась во сне намного больше, чем я.

«Покричи мне теперь, дрянь мелкая» — позлорадствовала я, наслаждаясь мыслью о том, что почувствует девчонка, когда проснётся одна.

Я приоткрыла полог. Дозорный сидел у костра спиной к нему и лицом прямо ко мне. Когда мой взгляд встретился со взглядом человека, я поняла, что та часть плана, где я просто выбираюсь тайком из палатки, покатилась в Бездну.

«Начала блефовать — блефуй до конца» — научила меня жизнь. Вместо того, чтобы резко опустить полог — выдать своё смятение — я неловко, словно бы сонно, на четвереньках вылезла из палатки.

Солдат поднялся на ноги и навис надо мной. Я указала рукой на лес. Опустила глаза, изображая смущение, ткнула себя пальцем в живот и снова указала на лес.

— Вставай, — приказал он и подкрепил своё указание жестом.

Я поднялась на ноги. Он взял меня за запястье. Руки были липкими, будто испачканными в сосновой смоле. Меня передёрнуло, но солдат, уже тащивший меня к лесу, этого не заметил.

Отходить далеко мы не стали — четыре шага от ближайшей палатки. Буквально за соседним деревом человек выпустил меня и кивнул:

— Давай.

Я попробовала было отойти дальше, но была остановлена негромким, раздражённо-стальным:

— Нет.

Мы переглянулись. Солдат жестом указал мне на землю прямо перед собой, и я залилась краской, осознав, что отойти даже до ближайших кустов он мне не позволит.

Это было весьма неприятно. Пытаться бежать сейчас? Так близко к людям? У него на виду?

Я задумалась всерьёз.

Я не была уверена, что сумею убить человека без оружия, но с этими странными путами на запястьях. Почти наверняка не сумею, если только мне невероятно не повезёт. И я совершенно точно не сумею сделать этого бесшумно. За ужином люди обсуждали, что в дозоре всегда стоят по двое, но второго наблюдателя я пока не видела. Где он? Как быстро проснутся остальные? Сумеют ли они поймать меня в ночном лесу?

Ещё вчера я бы сказала, что нет. Я быстро бегала, я видела в темноте, я неплохо пряталась в тенях — все козыри были у меня.

Вчера мои руки не связывала золотая лента, мешающая использовать магию. И ладно бы только это, я готова была бы рискнуть, если бы знала наверняка, что других угроз магия жреца не несёт.

Но я не знала. Люди сумели пройти сквозь «нору» — кто его знает, на что ещё способна милость их далёких богов? Разумно ли так рисковать?

«Нет» — решила я и начала развязывать завязки штанов.

Солдат смотрел на меня недовольно, но без явного интереса. Глухая злость, глубинная, но тусклая ненависть — ничего нового и ничего особенного, что он чувствовал бы лично ко мне.

Я, строго говоря, ненавидела его с большим пылом.

— Всё? — спросил он, когда я поднялась и завязала брюки. Я смотрела на него изпод лобья, продолжая изображать непонимание. Вспыхнув на миг кислотой и сладостью — изумительной спелости брусничкой, он ухватил меня за предплечье и дёрнул с силой. Ему хотелось — я видела и чувствовала это — причинить мне побольше боли. Я громко вскрикнула, значительно преувеличив собственные страдания. А почему бы и нет?

Когда мы вернулись к моей палатке, из соседней высунулась сонная голова жреца.

— Кинтин... — протянул Рикардо укоряющие. Солдат посмотрел на него недовольно и буркнул что-то вроде извинения за шум. Я кинулась к себе и забралась в палатку быстрее, чем скрывается в своей норе напуганный уж.

Чамдо не спала.

— В кусты отходила, — бросила я.

Вкус морошки на языке — терпкий, водянисто-фруктовый вкус подозрений, дал мне понять, что девчонка мне не поверила.

Ну и пусть.

Чамдо обняла меня со спины.

Заснула я перед самым рассветом, но этого времени мне было достаточно.

Глава 7

Всё следующее утро жрец наблюдал за мной. Не в открытую, как полагается хозяину положения. Исподтишка. Мимолётный взгляд там или короткий здесь, но ни одного прямого. Когда Рикардо оказывался рядом, я ловила шлейф морошки и чёрной рябины.

За завтраком мои пальцы дрожали от волнения.

— Холодно, — пояснила я Чамдо на её любопытный взгляд.

Само собой, это был вовсе не холод.

Чем я вызвала его подозрения? Где была неосторожна?

После еды, пока солдаты собирали палатки, жрец отвёл меня в сторону, нехотя взяв с нами Чамдо. Наконец, он посмотрел мне в глаза.

Настороженно и смущённо. Решительно и виновато. Цепко, но явно пытаюсь сохранить иллюзию мягкости.

Я ничего не понимала, и моя растерянность — крепко заваренная мелисса — расплылась во все стороны от моей опасно сжавшейся фигуры.

— С тобой всё хорошо? — спросил Рикардо вкрадчиво.

Я отвела глаза, разглядывая ствол сосны за его спиной.

— Он спрашивает, всё ли с тобой хорошо, — без фантазии и воображения перевела Чамдо.

— Да, — ответила я, и девчонка повторила незамедлительно.

— Ты вчера отходила с Кинтином, — пытался жрец одновременно говорить твёрдо, но сохранять в тоне заботливые нотки. Перевод Чамдо был куда менее мягким и более подозрительным. Я пожалала плечами, заглядывая ему в глаза.

— Не понимаю, чего он от меня хочет, — бросила я властелиновой дочке.

Рикардо взял меня за руку. От первого прикосновения я дёрнулась, словно от ожога — очень уж неожиданным оно мне показалось. Но руки не вырвала. Мои пальцы, и в самом деле холодные, лежали в его горячей ладони.

Это было и гадко, и приятно разом.

— Кинтин что-то с тобой делал? Бил или...? — не закончил жрец предложение, и Чамдо тоже замаялась, прежде чем перевести.

— Кажется, он хочет узнать, взял ли тот вчерашний солдат тебя как женщину, — наконец, нашлась девчонка. Кто бы сомневался, что дочка Цаагала мгновенно поймёт намёк. Станные нотки в её голосе подсказали мне: ей тоже чрезвычайно интересно, что происходило вчера между мной и солдатом.

«Боишься, что я чем-то могла его заразить? — гадала я о причинах, побудивших жреца, проявить любопытство, — или ваши боги запрещают спать с исчадиями Бездны?»

Жрец смотрел на меня настороженно и виновато.

Так и не придумав, в чём может быть польза лжи, я решила сказать правду.

— Нет. Дёргал грубо, но и только. Спроси зачем ему это знать?

Чамдо перевела Рикардо мой ответ, но спрашивать о его целях не стала.

Жрец улыбнулся с явным облегчением.

— Забудьте обе об этом разговоре, хорошо?

Пальцы обволокло мягким теплом, постепенно разгоревшимся до приятного жара. Жар поднялся по кисти и предплечью. Я опустила глаза на свою руку. Фиолетово-чёрные синяки на запястье — наша кровь была темнее человеческой — быстро рассасывались. Спустя две минуты и ни следа не осталось от вчерашней грубой хватки.

«Кинтин, значит» — запомнила я имя, сама не зная зачем.

Забыть о разговоре не вышло. Пальцы то и дело тянулись к вылеченному запястью — гладили, мяти, касались, насколько позволяли обхватывающие их путы. В груди поселилось смятение и страх.

Я не задавалась вопросом, почему жрец лечил меня в первый раз, списала всё на удобство, скорость и риск не довезти меня живой для выкупа. Но сейчас-то он зачем это делал? Синяки были мелочью: не мешали, не замедляли и не влияли совершенно ни на что. Болели немного, но это явно было лишь моей проблемой.

Чего он хотел добиться? Отвлекал внимание? Прятал в целительстве другое заклинание?

Я не понимала, и поэтому я боялась.

«Она же совсем ещё ребёнок», — вспомнилось мне первое, что я слышала от Рикардо.

И как он приказывал солдату быть помягче со мной в первый день, тоже вспомнилось.

Смятение, поселившееся в душе от этих мыслей, жгло мучительнее страха.

Сжав зубы, я вспомнила спину матери. Мне стало легче.

Постепенно мои мысли отошли от человеческой придури и свернули в более практичное русло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.